

ВАСИЛИЙ САХАРОВ

МЕДИА
КНИГА

НОЧЬ СВАРОГА #2

ВОИН ЯРОВИТА

Ночь Сварога

Василий Сахаров

Воин Яровита

«МедиаКнига»

2016

Сахаров В. И.

Воин Яровита / В. И. Сахаров — «МедиаКнига», 2016 — (Ночь
Сварога)

ISBN 978-5-227-06521-6

До объявления Крестового похода против славян осталось немного. Скоро Бернар Клервоский и папа римский Евгений пошлют на север толпы фанатиков, наёмников и рыцарей. Близится время тяжких испытаний, и Венедский союз наносит удар на опережение. Сотни славянских кораблей выходят в море и атакуют давних врагов, датских викингов. И это только начало. Реют над морем знамёна варягов, пруссов и шведов. Горят города и сёла врагов, перехватываются корабли, и богатые трофеи отправляются на Руян. У славян появился шанс изменить своё будущее, и вместе с братьями по крови в бой идёт вождь Вадим Сокол из Рарога.

ISBN 978-5-227-06521-6

© Сахаров В. И., 2016

© МедиаКнига, 2016

Содержание

Василий Сахаров	5
Пролог	6
Глава 1	11
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	46
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Василий Сахаров

Воин Яровита

© Василий Сахаров, 2021

© МедиаКнига, 2021

* * *

Пролог

Франция. Клерво. 1142 от Р. Х.

Бом-м-м-м! Бом-м-м-м! – обозначая полночь и перекрывая шум осеннего дождя, который поливал землю десятый день подряд, над обителью братьев цистерцианцев прокатился гулкий глас церковного колокола. Трое мужчин, храня молчание, дождались, пока колокол ударит в последний раз, и продолжили беседу. Они находились в освещённой парой тусклых восковых свечей келье, где единственными предметами интерьера были большое медное распятие Христа на стене и грубый дубовый стол, вдоль которого стояли две неудобные узкие лавки.

Первым нарушил молчание жилистый пятидесятирёхлетний брюнет с худым лицом аскета и без единого седого волоска в густой шевелюре, облачённый в перепоясанную бечёвкой тёмно-серую рясу из грубого полотна. Этот человек являлся настоятелем обители цистерцианцев в местечке Клерво. Звали его Бернар Клервоский, и это имя знал каждый истинный католик. Хотя выглядел он весьма непрезентабельно, а официальное положение аббата Клерво в церковной иерархии было невысоким, слово Бернар, которому посылали видения сама Пресвятая Богородица, значило много. Например, оно могло в зародыше загасить вооружённый конфликт между европейскими феодалами, сменить папу римского, кинуть в поход на сарацин и язычников десятки тысяч воинов и рыцарей, отправить на очистительный костёр ересиарха или заставить одного из европейских королей покаяться в своих грехах. Такой вот человек. С виду скромный служитель Господа, а по факту сильный лидер, влиятельный политик, мудрый мистик, опытный богослов и один из основных создателей ордена тамплиеров.

Бернар посмотрел на своих собеседников, расположившихся напротив него. Пронзительные карие глаза настоятеля остановились на пожилом стройном шатене в сыром от влаги дорожном камзоле коричневого цвета, а затем скользнули на второго гостя обители – крупного широкоплечего бородача в потёртом суконном кафтане. Настоятель знал этих людей, хотя бородача видел впервые в жизни, и мог бы ответить на все их вопросы прямо здесь и сейчас, ещё до того, как они их зададут. Но для этого пришлось бы копаться в их головах, а Бернар этого не любил. Поэтому он решил поговорить с гостями без применения дарованных ему Господом способностей и сначала обратился к шатену в камзоле, который некогда был одним из его лучших учеников:

– Итак, брат Шарль, расскажи, что привело тебя в нашу скромную обитель в столь поздний час и почему ты одет как мирянин?

– Учитель, – Шарль Понтины, представитель ордена цистерцианцев в Дании, обратился к Бернару, словно до сих пор являлся его учеником, – у нас срочные новости. Мы с уважаемым Ассером Виде по прозвищу Риг торопились к вам, и в дороге моя ряса пришла в негодность. Поэтому я вынужден носить одежду мирянина.

– Да-да. – Бернар коротко кивнул. – И какие у вас новости?

– Мы смогли узнать, кто стоит за гибелью наших братьев в Дании и кто стравливает между собой северных ярлов.

– Хм! – Губы настоятеля скривились в лёгкой усмешке. – А разве ты не знал этого раньше?

– Я подозревал, чьих рук эти дела, учитель. Конечно же богомерзких язычников с Руяна. Но раньше в этом не было уверенности, а сейчас она есть. Недавно к германцам в Ольденбург перебежал один из варяжских капитанов, дрянь-человек, который находился в фаворе у про-

шлого князя. И он сообщил, что переправлял на остров Зеландия витязей Святовида, которые должны были тайно убивать священников и преданных истинной вере дворян...

– И что с того? – перебил бывшего ученика Бернар. – Это знание остановит войну между ярлами данов, которые должны стать карающим мечом Господа в руках церкви? Кто поверит какому-то там варяжскому беглецу, особенно после того, как пролилась кровь и погибло множество датских воинов и ярлов?

Понтины смиренно опустил глаза и произнёс:

– Учитель, я не договорил. Дозвольте продолжить?

– Да, продолжай.

– Помимо всего прочего, этот варяжский пират сообщил, что в Арконе создана организация, призванная противодействовать нашему расширению на восток и север Европы. И посланные ярлом Виде лазутчики, которые под видом купцов смогли попасть в Аркону, подтвердили его слова.

Бернар, ничего подобного не ожидавший, в удивлении приподнял левую бровь и посмотрел на Ассера Рига, а тот подтвердил слова Шарля Понтины:

– Всё это правда, святой отец, и я смиренно прошу вас простить меня. Это я виновен в том, что между данами идёт война, потому что не распознал в ночных душегубах варягов. Именно я, не посоветовавшись с отцом Шарлем, – кивок в сторону Понтины, – стал тем, кто призвал ярлов Зеландии, Скандии и Ютландии выступить против ярла Свена, которого считал убийцей моего сына Абсалона и молодого Вальдемара Эстридсена. Простите и назначьте мне самое суровое наказание, какое только возможно.

На глазах сурового северянина выступили неподдельные крупные слёзы раскаяния, и он, перегнувшись через стол, обхватил мощными руками узкую бледную кисть Бернара, притянул её к себе и впился в неё поцелуем. Настоятель осторожно высвободил руку, опустил её на голову Рига и сказал:

– Бог простит, сын мой. Только Бог, сила и любовь которого поистине безграничны, может отпустить тебе этот грех. Моли Его о прощении и старайся примирить своих соплеменников – это будет твоим искуплением. А я, скромный служитель нашей матери-церкви, помолюсь за тебя перед Богородицей.

– Благодарю, святой отец! Благодарю!

Ассер Риг, на долю которого в последнее время выпало слишком много испытаний, несколько успокоился, а настоятель вновь обратился к Шарлю:

– Кто создал враждебную нам организацию, волхвы или кто-то из варяжских князей?

– Волхвы, учитель, – ответил Понтины.

– Это точно?

– Да.

В голове Бернара, который никак не мог понять, почему на севере Европы происходят события, подоплёку коих он не понимал, теперь сошлись все кусочки мозаики. Вроде бы всё шло хорошо. Бодричи и поморяне давили на лютичей. Даны сковали варягов с Руяна, а шведы добивали своих язычников и готовили нападение на новгородские торговые форпосты по всему Венедскому морю. Но совершенно неожиданно что-то пошло не так. Сначала от руки убийцы погиб молодой Вальдемар, который мог стать следующим королём Дании, и даны схватились между собой. Затем своими подданными был казнён князь поморян Вартислав Грифин. После этого убит король шведов Сверкер Кольссон, а между свеонами и гетами началась война. А недавно, всего пару дней назад, он узнал, что войско поляков, выдвинувшееся на территорию венедов, было в пух и прах разбито.

Так не должно было быть. Бернар знал это точно так же, как и то, что завтра с утра дождь закончится и день будет солнечным. Однако факты – вещь упрямая. По необъяснимой причине на берегах Венедского моря происходило не то, что было предсказано настоятелю Богородицей.

И вот причина найдена. Волхвы отбиваются не просто так, наобум, кидаясь туда, где опасность, а организованно. Для них это весьма нехарактерно и в будущем могло поломать Бернару и другим влиятельным служителям католической церкви все планы. Поэтому к северным землям он решил быть более внимательным и послать к Венедскому морю дополнительные силы преданных церкви рыцарей и самых лучших шпионов. Ну а кроме того, братья цистерцианцы и главы других церковно-монашеских орденов должны узнать о его намерениях и оказать посланцам Бернара всемерное содействие, ибо только сообща можно уничтожить старого врага.

«Решено, – подумал настоятель. – С утра напишу письма всем братьям, истинным руководителям нашей матери-церкви. Но это будет завтра, а пока стоит разобраться с гостями. С Шарлем всё понятно: упрямый, умный и хорошо образованный исполнитель, больше воин и политик, чем просветитель и проповедник. А вот Ассер Виде, который носит поганое языческое прозвище Риг, хочет получить от меня не только прощение грехов, но и что-то ещё. Что? – Бернар прикрыл глаза, а его пальцы машинально потянули из-под одежды чётки с крестом. Прошла секунда. Другая. И ответ был найден. – Ассер приехал во Францию не просто сообщить ему ценные сведения. Нет. Он привёз с собой второго сына, того самого, который уцелел во время нападения убийц, выпрыгнул из башни и был парализован. Ярл хочет отвезти его в Сито, где опытные монахи-целители могут поставить мальчишку на ноги, а поскольку человек он нужный, к его сыну будут внимательны. Впрочем, до Сито путь неблизкий, а паренёк совсем плох, я чувствую это, а значит, он может не доехать. Хм! Будет жаль, если умный мальчик и истинный католик умрёт. Но ничего, наверное, я смогу исцелить его сам, разумеется, если мне поможет Святой Дух и небесная покровительница Дева Мария».

Бернар открыл глаза и произнёс:

– Шарль, о делах на севере поговорим утром. Я ещё должен немного подумать.

– Как скажете, учитель, – отозвался Понтины.

Настоятель помедлил и добавил:

– Вы приехали не одни. – Это не было вопросом, а прозвучало как утверждение.

Шарль посмотрел на Ассера Рига, и в его взгляде была гордость за своего наставника, которому никто не говорил об Асбьерне, но он о нём всё равно узнал. После чего Понтины подтвердил:

– Вы правы, учитель. Мы не одни. С нами сын благородного Ассера, которого зовут Асбьерн. Мы везём его в Сито, но в дороге он простыл и сейчас совсем плох...

Настоятель остановил ученика:

– Принесите мальчика сюда. Я хочу посмотреть на него.

Услышав это, Ассер Риг расплылся в счастливой улыбке и вместе с Понтины покинул келью. Бернар остался один и, перебирая чётки, мысленно воззвал к Божественным силам, которые откликнулись на его просьбу и были готовы в любой момент, используя аббата как промежуточное звено, через него влиться в тело страждущего и принести ему исцеление.

Ассер и Шарль вскоре вернулись. Не доверяя воинам из сопровождения ярла и местным монахам, они самостоятельно внесли в келью жёсткие носилки с сильно исхудавшим тельцем светловолосого мальчишки. На вид ему было не больше десяти лет, а на деле Асбьерну Виде недавно исполнилось четырнадцать. Облечённый в длинную шерстяную рубаху паренёк был бледен, и от него пахло дерьмом. Парализованное тело не могло контролировать себя, а обмывали Асбьерна не чаще одного раза в день. Однако Бернара, не видевшего никакой особой разницы между королями и нищими и всех людей оценивавшего с точки зрения их любви к Господу, запах не смущал. Он приказал положить носилки на стол и, когда Риг и Понтины сделали это, подошёл к мальчишке. Настоятель заглянул в чистые голубые глаза, которые смотрели на него с огромным почтением, но без страха, и спросил паренька:

– Ты знаешь, кто я?

Вопрос был задан на латыни, и Асбьерн, которого с детства учили всему, что должен знать истинный христианин и будущий священнослужитель, ответил на том же языке:

– Мне это известно. Вы святой Бернар, чья учёность не знает границ, а репутация не имеет даже крохотного тёмного пятнышка. Вы – осенённый Святым Духом любимец Богородицы и проводник воли нашего Господа, который основал обитель Клерво, хранит целомудрие и любит лишь Бога.

– Тс-с-с! – Бернар приложил к губам указательный палец и, когда уста Асбьерна сомкнулись, сказал: – Не говори лишнего, мальчик. Я не святой. Лучше скажи, как ты себя чувствуешь?

– Плохо, отче. Тела своего не чувствую, в голове туман, а зубы стучат, словно у меня лихорадка.

– Понятно. – Настоятель ткнул пальцем в переносицу Асбьерна. – Спи, мальчик. Спи.

Паренёк моментально заснул, и его дыхание стало ровным и спокойным. Но в груди Асбьерна настоятель слышал хрипы и, не оборачиваясь в сторону гостей, которые замерли за его спиной, стал делать то, что задумал. Бернар положил одну ладонь на лоб больного, а другую – на солнечное сплетение. Он глубоко вздохнул и услышал голос Понтины:

– Вам помочь, учитель?

– Нет. Я сам. – Бернар посмотрел на потолок. Сердце настоятеля, который разумом потянулся к силе небожителя, слегка дрогнуло, и он зашептал: – Господи! Ты мой Бог и Владыка над жизнью и смертью! Даруй сему невинному и юному отроку исцеление от болезни! Раскинь над ним свою спасительную десницу и восстанови его здоровье, избавь от боли, страдания и страха смерти. Помогни ему, Господь Всемогуший! Молю Тебя, Податель всех благ и Повелитель, обрати на нас, грешных, свой взор! Славлю и величаю, Господи, Твою чудодейственную и животворящую силу. Благодарю Тебя за безмерное милосердие, которое по заслугам Ты проявляешь ко всем страждущим и убогим. Молю Тебя, научи нас ценить дарованную Тобой жизнь и заботиться о целостности наших душ не меньше, чем о здоровье тела. Научи нас избегать греха и исполнять Твои заповеди, дабы мы могли достичь вечной радости в Царстве Твоём. Аминь!

Ладони Бернара при этом озарились призрачным светом, который, словно некая тягучая масса, сполз с них и впитался в тело Асбьерна. После чего мальчишка сильно вздрогнул, а затем шевельнул ногами. Понтины, увидев это, смиренно опустил голову и осенил себя крестным знаком. А отец больного, видя чудесное исцеление Асбьерна, которому не мог помочь никто из лекарей Дании, упал на колени, вскинул руки и выкрикнул:

– Чудо! Благодарю тебя, Господи!

Настоятель обители Клерво всмотрелся в лицо мирно спящего ребёнка, удовлетворённо кивнул и повернулся к Ассеру Ригу:

– Встань.

Ассер поднялся и, глядя на священнослужителя преданными глазами, спросил:

– Что скажете, святой отец?

– Теперь можешь везти своего сына в Сито. Братья монахи завершат его лечение, а после привезёшь мальчика ко мне. В нём есть искра Божья, и я думаю, что со временем он станет хорошим слугой Господа.

– Будет исполнено, святой отец.

– Всё. Оставьте меня одного.

Понтины и Виде подхватили носилки и направились в гостевые каморки, а Бернар, возблагодарив Господа, который даровал ему возможность спасти ещё одного человека, пошёл в алтарный зал обители. Впереди была вся ночь, и он о многом должен подумать. О дополнительной статье в свой труд «О благодати и свободе воли». Об учениках Петра Абеляра, которые вновь поднимают голову, и ереси катаров. О положении дел в Святой земле, где христолюбивые воины ведут неравный бой с ордами нечестивых сарацин. О словах Богородицы, которая

постоянно рядом с ним и подталкивает своего верного слугу и почитателя вершить богоугодные дела и поступки. О судьбе иудеев, напрасно гонимых необразованными священнослужителями и жадными королями. Ну и конечно же о северных варварах, которые крепко держатся за старую веру, а значит, не могут считаться полноценными людьми и должны быть уничтожены.

Глава 1

Волегощ. 6650 от С. М. З. Х.

Скажи, Вадим, как, по-твоему, мы теперь будем жить-поживать?

Верховный жрец бога Яровита, старый и битый жизнью вояка Огнеяр, потрянув длинными седыми волосами, рассыпавшимися по его серой повседневной рубаше, огладил бороду и посмотрел на меня. А я задумался, ибо вопрос хоть и не таил какой-то подлянки, не так прост, как кажется, и чтобы понять мысли и опасения волхва, надо поставить себя на его место.

...Ещё полтора года назад Огнеяр жил относительно тихой и спокойной жизнью. Подчинённые ему служители культа, которые находились в Волегоще, Коренице, Арконе, Ральсвике, Зверине и Радогоще, славил Яровита, учили молодёжь и лечили больных. Витязи храма охраняли святилища и выполняли приказы верховодов, а желающие получить благословение грозного божества венеды приносили ему жертвы.

В общем, всё было как обычно. Начинался ещё один год, который, несмотря на обступивших венедские земли врагов, мог быть вполне неплохим. Но тут появился я, пришелец из будущего, Вадим Андреевич Соколов, сорокапятилетний подпол в отставке, в результате эксперимента получивший молодое тело, крепкое здоровье и реальную возможность заново прожить свою жизнь. И если бы я сразу же рванул в сторону Германии или через Померанию, где меня выкинуло в прошлое, на Польшу, Новгород или Киев, скорее всего, в судьбе верховного жреца ничего не изменилось бы. Однако я, лишь только вник, где оказался, решил предупредить братьев-славян, что грядёт беда и через несколько лет против них выступит Крестовый поход.

После этого всё так лихо закрутилось, что история свернула на совершенно новую колею. В землях венедов произошла масса изменений, и они стали более активно резать своих противников. А не так давно, после битвы под городом Пырыца, где лютичи, бодричи, поморяне и руянские варяги расколошматили войско польского князя-кесаря Владислава Второго, мне было видение. Мой сон посетил бог Яровит, и я объявил себя его воином.

Кто бы пару лет назад сказал, что мне доведётся общаться с небожителем, пусть даже во сне, я ему, конечно, не поверил бы. Ну, сами посудите. Какие боги? Какие видения? Какие-такие божественные откровения? Всё это дичь и фантастика. Но месяцы, проведённые мной среди венедов, которые стали для Вадима Сокола своими, не прошли для офицера-материалиста и бывшего комсомольца даром. За это время я видел много такого, чего в принципе быть не может. И в результате мой скепсис улетучился, а если быть более точным, трансформировался и сменился уверенностью, что боги всё же есть. Правда, в ближайшие девять веков их влияние на дела людей планеты Земля будет минимальным, и, наверное, это хорошо, потому что, поглядев на всё происходящее в мире людей, на отрекающихся от них потомков, на разрушенные храмы и поруганные святыни, они могут запросто устроить на нашей планете очередной Потоп или Армагеддон вкупе с Рагнарёком. Оно нам надо? Нет, не надо. Так что пусть небожители сидят в своём измерении. А мы пока попробуем сами разобраться, что есть хорошо, а что плохо...

Помимо того, что Яровит посетил мой сон, он ещё и с ним, и с другими наиболее сильными волхвами своего культа пообщался, и всем велел одно и то же: оказать всемерное содействие и поддержку молодому ведуну Вадиму Соколу. И вот, после битвы под Пырыцей вместе с единственным моим воином вагром Ястребом и ценным пленником, русским князем Игорем Ольговичем Черниговским, за которого хочу получить много-много местных денежных знаков

в виде серебряных новгородских гривен, я отправился домой, на остров Руян. Но перед этим посетил славный город Волегощ, где находится главный храм Яровита. Добрался сюда вместе с отрядами лютичей, вернувшихся в родной город после кратковременной военной кампании. Остановился на постоялом дворе, забронировал пассажирские места на варяжской лодье, которая через пару суток отправится в Аркону. После чего, естественно, посетил Огнеяра, с которым уже был знаком.

Волхв находился в конюшне, где лично чистил гнедого коня своего – стоп, уточнение: нашего – небесного покровителя, и после взаимных приветствий задал мне вопрос.

Чего-то подобного я ожидал. И, прокрутив в голове все свои мысли относительно жрецов и поддержки, которую они могут мне оказать, я посмотрел в выцветшие от времени глаза старика и ответил:

– Жить будем по совести и по заветам предков, уважаемый Огнеяр. Я не буду лезть в твои дела и ни в коей мере не стану покушаться на твою власть. Мне это не нужно, ибо своих дел хватает. Да и не понимаю я всех тонкостей управления вашей храмовой системой. Но если мне понадобится помощь, не обессудь, я стесняться не стану.

Жрец кивнул, прибрал деревянный скребок и погладил коня, который фыркнул и уткнулся в торбу с овсом. После этого он покинул стойло и вышел в проход, кивнул в сторону храмового комплекса:

– Пойдём, Вадим?

– Пойдём, – согласился я.

Мы вышли из конюшни, посмотрели на хмурые осенние тучи, гонимые с моря северным ветром, и неспешно двинулись к святилищу, недалеко от которого местная молодёжь под руководством опытных витязей Яровита махала тяжёлыми учебными клинками.

Двор пересекли молча. Вошли в продолговатый барак, где трапезничали служители культа, и сели за длинный узкий стол. Пожилой хромой дед, который здесь был за повара, принёс нам две глубокие глиняные кружки с компотом-взваром, и мы сделали по глотку. Ритуал был соблюден, гостя, то бишь меня, приветили. Теперь можно поговорить всерьёз, благо никто не мешал, и Огнеяр спросил:

– Чем ты хочешь заняться?

Над ответом я не раздумывал, поскольку свою жизнь уже распланировал:

– Скоро зима, значит, буду находиться на Руяне. Попробую двинуть в жизнь несколько задумок и кое-что внедрить в общество, а попутно стану собирать свою дружину. Если получится, куплю среднюю лодью или шнеккер. Подготовлю людей, а по весне вместе с нашим посольством отправлюсь в Новгород. Пока планы такие, а дальше видно будет.

– От нас, от волхвов, что-то потребуется? Деньги? Воины? Оружие? У нас всё есть, хотя воинов даже на охрану храма не хватает. Но за тебя сказал своё слово сам Яровит. Поэтому поможем тебе всем, чем сможем.

Я сделал ещё глоток вишнёвого взвара, потянул время, снова, может, уже в сотый раз всё взвесив, и ответил:

– Воинов просить не стану, даже как наставников, поскольку рядом с Чарушей, где я сейчас живу, острог витязей Святовиды. Деньги тоже не проблема, у меня в плену князь, за которого весной получу тысячу гривен, а пока их нет, возьму серебро у купца Радима Менко. А вот насчёт оружия в точку. Мне много чего понадобится. Однако на Руяне все кузнецы наверняка работой на месяцы вперёд загружены. Здесь, в Волегоще, тоже. Но для волхвов Яровита ковали даже в ночь трудиться станут.

– И какое же оружие тебе требуется?

– Арбалеты.

Огнеяр промолчал, слегка склонив голову к плечу, а я продолжил:

– В битве с ляхами из общей добычи я взял четыре самострела. Три так себе, грубые поделки, а один хорош, опытные вояки говорили, что из Генуи. Теперь у него немного стрелковый механизм улучшить бы, чтобы спуск появился, я могу рассказать и показать, как это сделать, и будет отличное оружие. Считаю, что пока у нас нет пороха или огнестрельных ружей, о которых я тебе рассказывал, их должны заменить арбалеты. Я пришлю образцы в храм и хотел бы, чтобы до весны была сделана сотня отличных самострелов. Кроме того, нужны кольчуги, хотя бы два-три десятка. Мечи, примерно полсотни. Щиты, такое же количество. Шлемы, снаряжение, одежда и сапоги. Когда всё будет готово, я оплачу работу. Понимаю, что это дорого, но я такие расходы потяну.

Волхв усмехнулся.

– Насчёт самострелов не переживай, оружейники в Волегоще знатные, так что заказ сделают, арбалеты им не в диковинку. Получишь свои стреломёты и болты к ним. Ну а насчёт остального скажу так. Завтра приходи в храм и вместе с вуй-кметом храмовой стражи выберишь на нашем складе, что необходимо. О деньгах не говори. Я понимаю, что ты не о наживе думаешь. Поэтому считай это подарком Яровита.

– Благодарю, Огнеяр, не ожидал.

Старик покивал и предложил:

– А почему бы тебе не перебраться в Волегощ? Будешь при храме, и обучение быстрее пойдёт. Да и с задумками, что у тебя в голове, мы поможем.

Я поморщился и пояснил свою позицию:

– Огнеяр, я никому не хочу быть обязанным. У меня своя голова на плечах, и моя внутренняя суть заточена на то, что своё я никому не отдам, а чужого мне не надо. Понятно, что дар от волхвов – всё одно, что дар бога, и вы многому сможете меня научить. Только я до сих пор не чувствую себя частью культа, хотя и встал под руку Яровита. Пока ещё сам по себе. Уже не юнак, но ещё не радарь. Мой уровень – ведун-потворник, и я в самом начале своего пути. Однако, по возможности, я хочу всего достичь сам. Поэтому от доспехов и оружия, само собой, не откажусь. Но надзора за собой терпеть не стану и указания, что мне делать, слушать не хочу. Кроме того, в Арконе я нужен Совету, который планирует ударить по крестоносцам, да и женщина у меня там. Возможно, когда я буду чуточку мудрее и крепче встану на ноги, переберусь сюда, поближе к храму, а сейчас мне лучше оставаться на острове.

– Вот ты какой, Вадим... – протянул волхв. Я промолчал, а Огнеяр продолжил: – Ладно. Что-то ещё необходимо?

– Как я уже говорил, мне бы шнеккер на шесть десятков бойцов купить. Это было бы хорошо.

– Посмотрю, что можно сделать.

Верховный волхв допил взвар и стал расспрашивать меня о боях с ляхами и походе в Швецию. Затем похвастался, что с Руяна прислали отличную бумагу и чернила. Мы обсудили схему бумажного производства, Огнеяр сказал, что хочет развернуть его у себя, и я дал ему несколько дельных советов. После мы затронули работу ОБК, формирование боевых жреческих дружин и грядущие бои с католиками.

В общем, шёл обычный разговор двух людей, которые понимают, что у них впереди немало совместных дел, и они присматриваются один к другому. Пообщались продуктивно, разговаривали не менее трёх часов, до самого полудня, после чего я собрался уходить. Жрец меня не задерживал, и вскоре, подтянув ремень с мечом и плотнее закутавшись в подбитый мехом тяжелый плащ, я покинул храм и зашагал в сторону постоянного двора.

На улицах Волегоща, несмотря на холод и собирающийся дождь,людно. Горожане радовались возвращению из похода своих родичей и соплеменников. Кругом шум, гам, улыбки, шутки и весёлый смех. Я чувствую эмоции людей, и они вселяют в меня надежду, что всё будет хорошо. Да, небожитель сказал, что, если оставить всё, как есть, венедов ждёт полное

уничтожение. Но стоять на месте никто не собирается, значит, шанс на победу есть. В запасе имеется время и планы, как нам переиграть католиков. Так что разберёмся с врагами, да так, что мало не покажется!

Впрочем, об этом буду думать, когда доберусь до Руяна и смогу переговорить с членами нашего Отдела по борьбе с крестоносцами, а пока я сосредоточился на своей беседе с Огнечерном. Что сказать? Результатами встречи я доволен. Жрецы готовы оказать поддержку, и это хорошо. Ведь культ Яровита, говоря привычным для меня языком, имеет филиалы практически в любом крупном городе венецян.

Кстати, о культе, который, как и любая формация славянского общества, является кастовой системой, о которой нужно рассказать немного подробнее.

Наверху верховный жрец, которого иногда называют страта, и ему подчиняются все остальные служители Яровита. Далее по нисходящей: волхвы главного храма, верховоды провинциальных святилищ и стратег (стражар), лучший воин, который является командиром всех боевых формирований этой религиозной общины и отвечает за политику культа. Потом идут старшие витезы Священной дружины, они же рыкари, вуй-кметы (воинские наставники и командиры отрядов), ведьмаки (воины-волхвы) и волкодлаки (воины-оборотни). Ступенью ниже находятся бояны, кудесники, ведуны, летописцы, кобники, прорицатели, рынды и целители. За ними – ученики трёх ступеней: глуздыри, юнаки, освоившие обрядовость и более-менее разбирающиеся в волшбе, и потворники – ведуны вроде меня, овладевшие каким-то искусством и понимающие, что они хотят от этой жизни. Помимо них имеются не одарённые экстрасенсорными способностями слуги храмов и добровольные помощники из рядовичей племени, которых называют просто и незатейливо – послухи и поглядцы.

Вот так храмовая система выглядит в идеале. Но, как известно, идеала не бывает. Его нет и сейчас, поскольку храм долгое время хирел, терял в боях с врагами племени лучших воинов и волхвов, и в итоге есть то, что я могу видеть сейчас. Ведьмаков, по сути вольных рыцарей-одиночек, гуляющих по миру и бьющихся против тёмных чародеев и нежити, в венецянском обществе нет уже лет сто. Должность стратега, после гибели в бою с саксами последнего, а случилось это полсотни годков назад, до сих пор вакантна. Волхвы слабеют, учеников всё меньше, и с остальными жреческими кастами непорядок, ибо над миром Ночь Сварога. И теперь в эту общину вошёл я, ещё один воин Яровита, который вроде бы со всеми вместе, но в то же время сам себе на уме.

За размышлениями совершенно незаметно я добрёл до постоянного двора. Вошёл в общий зал, где недавно закончился обед, и застал конфликтную ситуацию, касавшуюся меня самым непосредственным образом.

В центре просторного помещения, вдоль стен которого стояли столы и лавки, лежал грузный бородатый шатен, если судить по добротной одежде и распахнутому на груди новенькому суконному полукафтани, купец из Новгорода, не богач, но и не бедняк. Он прижимал к животу колени и громко стонал, а между ним и мной находилось четверо крепких парней в одинаковых шерстяных поддёвках под доспех, которые были перепоясаны ремнями. Все они держали в руках обнажённое оружие, короткие мечи, а направлена их смертоносная сталь была на моего человека, вора Ястреба по прозвищу Немой. Воин стоял в углу, в вытянутой вперёд руке держал свой клинок и прикрывал скорчившееся в три погибели тело князя Игоря Ольговича. В чём дело, не понятно. Но одно можно сказать сразу: Немого собираются убить или как минимум тяжело ранить. И хотя вора – мечник знатный, одному против четверых не выстоять, поскольку агрессивные гости, которых ещё утром на постоянном дворе не наблюдалось, парни серьёзные, оружие держат хорошо и обходят Немого с разных сторон.

– Эй! – отстёгивая плащ, который сразу упал на пол, но не торопясь вынимать Змиулан, окликнул я противников вора. – Стоять! Кто такие?! Что случилось?

Двое из четверых моментально обернулись в мою сторону, и один из них, ловко перекинув из руки в руку короткий клинок, наподобие римского гладия, оскалился:

– А ты сам кто такой, что вопросы задаёшь?

В перепалку вступать смысла не было. Продолжая присматривать за противниками, я кивнул на владельца постоянного двора, пожилого, слегка полноватого бородача, с опаской выглядывавшего из кухни:

– Хозяин, что происходит? Отвечай! Живо!

Владелец средневековой гостиницы знал, что я боярин и прибыл с войском лютичей, а потому, по умолчанию, наверняка побаивался меня гораздо больше, чем новгородского купца и его охранников, и с ответом не медлил:

– Дык, это, – локтем он отпихнул в кухню свою любопытную жену, дородную бабу в засаленном сарафане, которая хотела посмотреть, что происходит в зале, и объяснил ситуацию: – Ваш воин вывел в зал пленника. Они поели, а тут гости новгородские. Пленник их увидел и давай кричать: братья христианские, ратуйте! Вызволите меня из рук язычников, а я про вас не забуду! Купчина сразу к своему немому воину подошёл и что-то ему сказал, а тот ударил его кулаком в живот, потом врезал пленнику по голове и вместе с ним отскочил в угол. Тут парни за нанимателя решили вступить. Вот и всё.

Пока хозяин постоянного двора говорил, я был настороже и готов к тому, что охранники купчины кинутся в бой. Но они медлили, видимо, ждали указаний от торгового гостя, поэтому просто блокировали меня и Немого. Всё правильно, ибо здесь не Новгород, а Волегощ.

– За стражниками уже послал? – задал я местному предпринимателю следующий вопрос.

– Конечно, – откликнулся он и расплылся в широкой улыбке. – Вот-вот подбегут, если не заняты.

Я молча кивнул и решил дожидаться появления городской стражи. Но, видать, не судьба. Купец поднялся, тряхнул головой, исподлобья посмотрел на меня, затем на вагра и просипел своим охранникам:

– Вызволим князя христианского. Бей!

Не знаю, на что рассчитывал купец и почему решил поступить так грубо и поспешно. Может, рассчитывал, что откупится за убийство Немого и меня, родимого, звонкой монетой, или имел подвязки в городе. Всё возможно. Но факт остаётся фактом. Он знал, кого хочет выручить, и решил пойти на смертоубийство в чужом городе.

Два охранника направились к Немому, а двое кинулись на меня. И если бы это произошло год назад, скорее всего, я стал бы с ними драться на мечах. Однако с тех пор я многому научился, и лить кровь желания не было. Тем более парни, которые отрабатывали своё жалование и надеялись на премию, по большому счёту были слабее меня.

Организм моментально вошёл в боевое состояние. Противники стали двигаться медленнее, и я, не дожидаясь, пока они начнут атаку, шагнул им навстречу. Два широких шага вперёд. Руки сжались в кулаки, и, как только передо мной оказался первый противник, я ударил. Кулак метнулся в лицо новгородца, впечатался в его челюсть. Одного удара, чтобы вырубить бойца, было достаточно, я свои возможности знаю. И не дожидаясь, пока парень рухнет на пол, метнулся ко второму охраннику. Он как раз заносил меч и хотел срубить меня чётким горизонтальным ударом. Вот только ничего у него не получилось. Я выбросил вперёд правую ногу, и от мощного прямого удара в грудь он отлетел к стене и повалил на пол пару лавок и стол.

После этого я кинулся на купца, который тянул из ножен широкий стальной кинжал. Торговый гость, как ни странно, человеком был резвым, гораздо быстрее, чем его охранники, и реакцией обладал хорошей. Клинок метнулся мне в лицо. Я немного, не больше полуметра, отступил в сторону, отбил кинжал левой рукой, а затем приблизился к купчине и наработанным хуком с правой врезал ему в челюсть.

Щёлкнув зубами, противник устоял. И с невольным уважением подумав о новгородце, что он крепкий дядя, я нанёс второй такой же удар, но только с левой.

Машинально закрывая лицо руками, инициатор схватки стал опускаться на пол, а я собрался помочь Немому, который достаточно уверенно сдерживал натиск двух других охранников. Но в этот момент хлопнула входная дверь, и я решил, что прибежали городские стражники. Однако нет. Бросив взгляд назад, я обнаружил ещё десяток новгородцев, которые наверняка должны были кинуться на помощь землякам.

Швирх-х! С характерным шумом Змиулан покинул ножны и оказался в моей руке, и я развернулся к новым противникам. Предстояла серьёзная драка. Несколько новгородцев сразу же бросились на меня, но за их спинами раздался громкий окрик:

– Назад!

Мужики остановились, и, растолкав их, передо мной предстал знакомец по Арконе и полный тёзка Вадим Сокол из Ладоги. Стройный брюнет с короткой причёской, мордастый, румяный и улыбчивый. На боку дорогая сабля, одет как обычно, словно на гулянку собирается. Новый кафтан из какого-то дорогого тёмно-синего полотна, широкие штаны, настоящие кавалерийские галифе, на ногах красные сапоги. Франт. Нечего сказать. Учитывая, что в прошлый раз мы расстались без взаимных претензий, я мог рассчитывать, что драка может быть окончена.

Наседавшие на Немого охранники прекратили атаку, а мы с тёзкой переглянулись. Я спросил его:

– Между нами мир, Вадим Сокол?

Купеческий сын посмотрел на разбросанные по полу тела земляков и, глядя мне прямо в глаза, усмехнулся:

– Да, между нами мир, Вадим Сокол.

Тут в помещении наконец появились стражники. Началось неизбежное в таких случаях разбирательство, что, как да почему, и опрос свидетелей. Немой в это время отволок князюшку в нашу комнату. А мы с тёзкой, который, как оказалось, стал самостоятельным купцом и привёз в Волегощ некоторые новгородские товары, в основном стекло и корабельные канаты, ответив на все вопросы городских правоохранителей, разговорились. Слово за слово, и вот что вместе с предысторией в итоге прорисовалось.

Данило Храпко, купец, которого сначала Немой, а затем я уронили на пол, в Новгороде числился верным сторонником прежнего посадника Якуна Мирославина. В прошлом году горожане стали готовиться к официальному отделению от Киева, и Якун Мирославин, почуяв, что над ним сгущаются тучи, вместе с близкими людьми и князем Святославом Ольговичем попытался бежать. Однако разгневанный народ в лице его самых буйных представителей с большими кулаками догнал беглеца и вместе с братом Прокопием, не обращая внимания на удиравшего князя, поволок посадника к мосту через реку. Там состоялся небольшой сход, и после него мужики бросили вчерашнего городского мэра в студёные воды Волхова. Дело было зимой, но посадник вместе с братаном выплыли и выбрались на берег. Добивать их не стали и, содрав с бывших городских авторитетов выкуп, отпустили к Ольговичам.

Мой противник Храпко в это время торговал в Хедебю, а когда весной вернулся на родину, то узнал, что все его товары разграблены. Был выбор: уйти на Русь, к Якуну Мирославиному, или начать всё сначала, и купец выбрал вариант номер два. Он остался в Новгороде, начал торговлю, пару раз сходил к датчанам, а в этом году решил на пару с молодым Соколом из Ладоги навестить Волегощ. И вот входит он на постоялый двор, и кого здесь видит? Одного из основных Ольговичей, который был знаком купцу по Новгороду. Князь его, видимо, тоже узнал и решил попробовать освободиться. Вряд ли это у него получилось бы. Ведь из города не выбраться, а лодью Храпко, даже если бы она всё же выскочила в море, догнали бы. Но попытка, как говорится, не пытка, хоть она и закончилась неудачей.

Купца Храпко и его людей стражники отвели в городской поруб, откуда их извлекут только завтра, когда после общегородского праздника состоится суд. Сговорившись с моим тёзкой из Ладоги завтра обсудить кое-какие дела, мы расстались. Я направился в свою комнату, где собирался всерьёз побеседовать с черниговским князем, которому следовало ещё раз объяснить, что здесь ему не там и красное корзно осталось на поле боя под Пырьцей. Поэтому пусть сидит тихо, словно мышка, а иначе можно лишиться зубов.

Ну а так, нормально всё сложилось. Тёзку встретил. Подрался. Завтра, как пострадавшая сторона, получу с купца Данила виру за обиду или его жизнь, как суд решит. Кстати, а суд, в котором наверняка будут заседать волхвы Велеса и Яровита, не может мне его лодью подарить? Интересный вопрос, который надо прояснить.

Глава 2

Волегощ. 6650 от С. М. 3. X.

Ночь прошла замечательно. Спал я спокойно, и мне снилась любимая женщина, которую я вскоре увижу наяву. Поэтому настроение с утра было на позитиве. Я проснулся и сделал зарядку, на заднем дворе нашей гостиницы позвенел клинками с Немым и ещё раз провёл воспитательную беседу с князем, которого на всякий случай, словно собаку, держали на привязи и не выпускали из комнаты. Потом мы позавтракали, и, оставив вагра и Игоря Ольговича на месте, я отправился по своим делам.

Сначала посетил находящийся за городскими стенами порт и осмотрел лодью купца Данила Храпко, которая стояла борт о борт с судном моего тёзки из Ладоги. Корабли были однотипными, видимо, их строил один мастер. В итоге, после недолгих раздумий, я решил, что лодья новгородского купца мне не нужна. По той простой причине, что я хотел получить боевой вариант, а увидел торговый. Осадка купеческого судна больше, чем у военного корабля, и смахивает оно на продолговатую бочку. Румов меньше, а парус в полтора раза шире. Скорость невысокая, зато грузоподъёмность хорошая и борт повыше. Поэтому данный тип судов практически идеален для перевозки товаров и неспешного плавания под парусом. Но плохо подходил для стремительных пиратских рейдов и налётов вдоль вражеских берегов.

В общем, постоял я, посмотрел на торговую лодью и решил не расстраиваться. В конце концов, корабль у меня будет в любом случае, а с купца можно взять деньги, которые, как известно, лишними не бывают.

Собрался было уже вернуться в город, однако задержался, поскольку появился Вадик из Ладоги, потрёпанный вид которого свидетельствовал о том, что ночь он провёл в развлечениях с весёлыми девками. Впрочем, несмотря на это, соображал молодой купец здраво и хотел поговорить о деле, на которое я намекнул при нашей последней встрече. Мы поздоровались, обменялись парой пустых вежливых фраз, и тёзка начал серьёзный разговор:

– Вчера ты мне выгодное дело сулил. В чём суть?

– Понимаешь, дружище, – я посмотрел на Вадима, моё обращение его не смутило, – времена нынче смутные, и мне нужны воины.

– А я здесь при чём?

– Ты говорил, что твой батя каждый год вниз по Днепру ходит и в Киеве у вас лавки торговые. Вот и подумал, что ваша семья могла бы мне помочь.

– Провести наём воинов в Киеве? – удивился купец.

– Да. Зимой можно кинуть клич по стольному граду и окрестностям. А по весне, как только сойдёт лёд, расшивами отправить охочих людей в Новгород.

– Странно, ведь раньше всё наоборот было. Киевляне, черниговцы и полочане варягов на службу брали.

– Всё течёт, всё изменяется. Теперь пришёл черёд Руси помочь венедам крепкими мужчинами, которые знают, как меч держать. А помимо воинов острову требуются мастера: каменщики, стекольщики, кузнецы, ткачи, корабелы, красильщики, резчики по дереву, литейщики и просто пытливые умом люди, которые ищут новых знаний.

– Так я не пойму, люди нужны тебе или Руяну?

– Наём людей для меня, и именно я буду с ними рассчитывать. Но делать это стану в интересах острова.

– Понятно. В Новгороде ходил слух, что варяги начинают к себе людей перетягивать, но я этому не поверил. – Вадим потёр красные от недосыпа глаза и спросил: – А какая для нашего семейства в этом выгода?

– Я могу попросить верховного жреца Векомира и князя ранов Мстислава о предоставлении семейству Соколов права на беспошлинную торговлю в пределах острова Руян. А ещё имею возможность выставить на продажу некоторые редкие товары.

– Не брешешь?

Видимо, купец воспринял мои слова как треп, и он имел на это основания. Однако я не отступил:

– Нет, я говорю правду. И если ты во мне сомневаешься, перед возвращением к родным берегам зайти в Аркону. Я живу в Чаруше, дай мне знать, что ты в городе, и мы вместе навестим храм Святовида.

– Ладно, – согласился тёзка, – так и поступим. Через седмицу жди в гости, и если сам Векомир подтвердит твои слова, я передам это предложение отцу. Думаю, он от дополнительного прибытка не откажется, особенно если ты оплатишь перевозку людей.

– Насчёт этого не переживай, договоримся.

Ладожанин кинул взгляд на лодью своего сотоварища по торговле, возле которой ходили унылые мореходы-работники Храпко, и поинтересовался:

– Ты приходил корабль Данила смотреть?

– Да.

– И как он тебе?

– Не понравился.

Тёзка хитро прищурился, помедлил и выдохнул:

– А мне наоборот.

– И к чему ты это говоришь?

– Да вот думаю, что, если Храпко должен заплатить большую виру, ему придётся срочно продавать товар и лодью. Прямо сейчас хорошую цену никто не даст. Значит, Данилу нужно будет отдать всё, что он имеет, в треть истинной цены.

– Ага! И ты хочешь этим воспользоваться?

– Конечно.

– А земляка не жаль?

Вадим поморщился:

– Какой он мне земляк? Так, попутчик от Новгорода до Волегоща, вот и всё. Опять же он держит руку Якуна Мирославина, не теряющего надежду вернуться на родину. А моему семейству ближе Судило Иванкович, который сейчас посадничает.

– Ясно.

На этом разговор был окончен, и, оставив тёзку руководить разгрузкой лодьи, я направился в город. До судилища было ещё четыре с лишним часа, и я потратил это время на беседу с Огнеяром, который уже знал о моём вчерашнем приключении, и на общение с вуйкметом дружины Яровита, старым воином по имени Лучан Градко.

Огнеяр, верховный жрец Яровита, мои действия одобрил и дал небольшую юридическую консультацию. Я внимательно его выслушал и пришёл к выводу, что закон, как всегда, на стороне того, у кого есть влиятельные друзья в местной администрации. А поскольку они у меня имеются, для ведуна Вадима Сокола всё сложится наилучшим образом. Ведь конфликт с купцом Храпко можно рассмотреть с разных точек зрения. Поэтому возможны два основных варианта развития событий.

Первый вариант мягкий. На постоялом дворе имела место драка между новгородским торговым гостем и храмовником Вадимом Соколом. Слово за слово, и воин ведуна Вадима первым ударил почтенного купца. Завязалась потасовка. Однако крови пролито не было. Виновны

обе стороны, и если они готовы примириться, то должны сообща заплатить за разбитую во время драки мебель и при всём честном народе заявить, что претензий друг к другу не имеют.

Меня, конечно, такой расклад не устраивал, поскольку он ничего не давал. А вот вариант номер два, жёсткий, очень даже понравился. С этой позиции драка выглядела совершенно иначе. Группа иностранных граждан, новгородцев то есть, по предварительному сговору и с применением оружия среди бела дня пыталась совершить грабёж и отобрать у храмовника Сокола его движимое имущество в лице князя Игоря. С этой целью они сознательно пошли на конфликт, были готовы совершить смертоубийство и освободить врага венедского народа. Поэтому, с учётом всего вышеизложенного, купец Храпко признавался виновным в особо тяжком преступлении и должен ответить головой или выплатить пострадавшей стороне двойную виру в размере восьмидесяти гривен плюс одну виру в размере сорока гривен в пользу города. Сто двадцать гривен – это средняя стоимость неоснащённой купеческой лоды. И если принять во внимание, что полную цену за неё не дадут, а наличности у купца нет, Храпко лишился всего: и судна, и товара, и моряков, которые наверняка уйдут на службу к моему тёзке из Ладogi.

Правда, был ещё один вариант. Обвиняемый мог потребовать божьего суда и выйти на круг с мечом в руке. И покидал его тот, за кем правда, а кого боги признали виновным, оставался в нём, естественно мёртвый. При этом от поединка можно отказаться. Однако это удар по репутации, и, если Храпко кинет мне вызов, я его приму. Впрочем, купец на это вряд ли решится, а если и выйдет на божий суд, то умрёт.

Получив консультацию от волхва, который заверил меня, что среди заседателей суда будет «наш человек», я поблагодарил Огнеяра за науку и занялся подбором вооружения для своих будущих дружинников. Вместе с Лучаном Градко посетил арсенал храма, надо сказать, богатый, но наполненный старым оружием. Здесь выбрал кольчуги наиболее распространённых размеров, щиты, шлемы, мечи, несколько мешков, которые были наполнены копейными наконечниками, полсотни боевых и сотню метательных ножей, три десятка секир и кое-что из снаряжения. Вуй-кмет, который отдавал мне свои запасы, словно от сердца отрывал, сказал, что всё это будет приведено в порядок и доставлено в Аркону с попутным судном. После чего поскорее выпроводил меня за стены храма. Видимо, старый вояка решил, что если я задержусь, то попробую ещё что-то урвать, а он этого вынести не мог.

Я снова оказался в городе и отправился к храму Велеса, второго главного святилища в Волегоще, и пока шёл, думал о своём. Вроде бы всё ровно и вокруг мирный город. Конфликтов не намечается, иди и ворочай в голове мыслишки. Но отчего-то, спустя несколько минут после того, как я покинул храм Яровита, мне стало неуютно, а в районе солнечного сплетения образовался тревожный комок. Прислушался к своим чувствам, и причина беспокойства была обнаружена. За мной наблюдали, явно не друзья. Позади кто-то шёл и бросал в мою спину злые взгляды.

На автомате рука легла на рукоять Змиулана, и я подумал, что сейчас сверну за угол и подожду того, кто идёт следом. Однако недружелюбный хвост быстро пропал. Почувать противника в многолюдном городе нереально. Поэтому, внешне сохраняя спокойствие, а внутренне готовясь к возможным неприятностям, я продолжил свой путь.

Вскоре я оказался на площади перед храмом Велеса, где уже собирался честной люд города Волегоща и его гости. Моё дело должно было разбираться одним из последних, так что пришёл я рано. Однако суд во времена отсутствия газет, телевидения, Интернета и радио – это развлечение, и я остался.

В центр площади вынесли три кресла, а затем появились господа судьи, все как на подбор солидные пожилые мужи. В центре сел представитель князя Прибыслава, знатный боярин Звенко, которого вождь лютичей назначил наместником города. Слева примостился волхв Велеса, а справа сел жрец Яровита. За спинами судей встали облачённые в броню вооружённые

дружинники, десяток во главе с начальником городского гарнизона, молодым и слегка смугловатым сотником Вукомиром, который был сыном князя. И после этого начался процесс.

В пространство между зрителями, коих постоянно прибывало, и судьями выходил молодой горластый парень, который делал заклич – то есть объявлял о совершённом правонарушении и объяснял суть дела. Затем к судьям вызывались обвиняемый и потерпевший. Это называлось свод, то есть людей сводили вместе, и они по очереди рассказывали, что и как. Далее появлялись видоки-свидетели, которые под присягой давали показания. Судьи выслушивали всех, задавали вопросы и после краткого совещания оглашали приговор. Если преступник отсутствовал, он объявлялся вне закона, и специально выделенные охотники начинали его розыск, который назывался гонением по следу. А предназначенное ему наказание, дикая вира, ложилась на общину или семью, из которой происходил обвиняемый.

Вот такие дела и такие законы, направленные на пресечение правонарушений и недопущение рецидива. Один за всех и все за одного. А поскольку закон как дышло, куда повернул, туда и вышло, власть в лице наместника и волхвов была по самому больному. За воровство – отрубание руки и возмещение ущерба в тройном размере. За изнасилование – лишение живота путём утопления в море. За убийство вольного человека – тяжкая вира серебром или имуществом. За недоимки – обращение в одерноватые холопы и отъём всего нажитого добра. За измену племени и шпионаж – смерть в мучениях. Всё жёстко, но справедливо.

Сегодня разбирались: три драки между празднующими победу подвыпившими воинами, которые в итоге завершились полюбовным примирением сторон. Имущественный спор между наследниками мелкого лавочника, которые никак не могли договориться и решить, кому сидеть на торговой точке. Вердикт – снести лавку, а место отдать более серьёзным людям. Одно заявление об изнасиловании, завершившееся оправданием приезжего хлопчика из деревни и прилюдным битьём распутной девки, которая хотела стясти с него немного денег, но теперь стала рабыней обвиняемого. Затем перед судом предстал воришка, стащивший у зазевавшегося горожанина кошель, и его после долгого разбирательства тоже обратили в раба, правда без членовредительства.

Наконец дело дошло до меня. Выступил голосистый глашатай. После этого к судьям были вызваны я и купец Храпко. Далее выступили видоки с постоялого двора. Судьи подумали, и в итоге было объявлено следующее: новгородский торговый гость виновен и остаётся под стражей до тех пор, пока не выплатит ведуну Вадиму Соколу двойную виру и ещё одну виру городу Вологошу. На выплату серебра Храпко даются одни сутки. Охранники купца не виновны и освобождаются, поскольку исполняли приказ нанимателя.

Новгородец поник, и на секунду мне стало его немного жаль. Но, подумав, что по приказу этого человека мог быть убит мой человек да и моя персона пострадала бы, будь я немного попроще, жалость улетучилась.

В конце боярин Звенко задал обвиняемому вопрос:

– Купец, ты желаешь оспорить решение суда?

Храпко кинул на меня косой взгляд, задержал его на мече и помотал головой:

– Нет, не желаю.

– Ты понимаешь, что если не выплатишь в указанный тебе срок виру, то станешь рабом и всё твоё имущество перейдёт в собственность Вадима Сокола?

– Да.

– Ты сможешь выплатить указанную сумму?

Тяжкий вздох, и купец, который всё ещё надеялся, что у него в кармане что-то останется, ответил:

– Смогу.

Нас отпустили. Купец, которого сопровождали два дружинника, двинулся в порт. Я же собирался ещё немного потолкаться среди людей и посмотреть, как будут судить рыбака, кото-

рого сосед обвинял в краже поставленных им сетей и улова. И тут по спине снова пробежал злой взгляд. Стараясь не подавать виду, что засёк недоброжелателя, я лениво зевнул, медленно сделал поворот вправо и кинул назад косой взгляд. Сначала ничего подозрительного не обнаружил. Усатый воин, обняв за талию молодую красивую девушку, что-то нашептывал ей на ухо. Рядом пожилая женщина, неодобрительно косящаяся на них. Средних лет мужик, по виду огнищанин из лесной деревеньки, жаждущий новых впечатлений. Пара юрких мальчишек лет по тринадцати, жующие пироги. Всё спокойно. Но вот за их спинами всего на мгновение мелькнул человек, и его я узнал сразу. Это же та падлюка, слуга барона Адольфа Сальяса, с которым я столкнулся в Щецине, когда только провалился в прошлое. Тогда я ему острый крысиный носик набок свернул, а сейчас он за мной наблюдает. С чего бы это? Хозяин велел или он профессиональный шпиик на службе католиков? Такие людишки сами по себе редко ходят, и если его прихватить да накидать ему пинков, наверняка можно узнать много интересного. Решено, надо брать шпиона, который меня узнал. Если ошибусь, не страшно, выплачу компенсацию, а если прав, будет обезврежен вражеский агент.

Не торопясь, я стал выбираться из человеческой массы и постарался нащупать эмоциональный фон слуги. Однако из этого ничего не вышло, слишком много рядом людей. Кроме того, наблюдатель за мной из толпы не последовал. Просто проводил недобрым взглядом, и это значило, что его цель – не я. Однако отступать не хотелось.

Я юркнул в один из проулков вблизи храма. Стал присматривать за подозрительным человеком и спустя полчаса, когда суд был окончен и толпа начала расходиться, поймал слепок с его души. Затем пропустил шпиона немного вперёд и последовал за ним. Он пару раз оборачивался, но меня не заметил.

Слуга шёл в северную часть города, где находилось большинство постоянных дворов, в том числе и тот, где я остановился. Дорога знакомая, и уже в первых вечерних сумерках шпион свернул на тихую неприметную улочку, которая заканчивалась тупиком, упиралась в городскую стену.

Остроносый человек дошёл до самой стены и повернул обратно. Ясно, он проверялся, и я, предвидя это, остановился в начале улицы. Подозрительный гражданин вдруг замер на месте, огляделся и юркнул в один из домов. Я немного постоял и решил, что необходимо вызвать стражников. Но сам себя спросил: а что я им скажу? Что на меня косо посмотрели и пожелали зла? Так это не доказательство того, что «слуга» шпион. Тогда, может, обратиться к храмовникам? Эти меня поймут сразу, и воины Яровита возьмутся за вражину со всем рвением. Вот только пока я до храма дойду, а потом вернусь, объект может свинтить, и ищи его потом.

В общем, надо что-то делать. Перебрав варианты, я решил захватить слугу Сальяса самостоятельно. Ну а коль путь выбран, ведун в себе не сомневается.

Оглядев пустую улочку и отметив, что собак рядом нет, я уверенной походкой направился к просторной избе, в которой скрылся мой недоброжелатель. В избе окон на улицу не было. Заглянув за угол, я обнаружил чёрный ход, выходящий на задний двор, где находилось отхожее место и виднелась тропинка, ведущая на соседнюю улицу. Вокруг сгустились сумерки, так что меня никто не видел. Я подошёл к крыльцу, приткнулся к двери и прислушался. Внутри кто-то разговаривал на немецком. Я легонечко потянул дверь на себя. Она чуть приоткрылась, но не полностью, ибо внутри был накинута крючок. Надо или ломиться внутрь, или ждать, пока люди выйдут. Я выбрал ожидание и вслушался в голоса. Говорили трое, двое мужчин и женщина, судя по тембру, молодая. Языка я не понимал, но вдруг произошло то, что некогда случилось в том сне, когда меня навещал Яровит. В ушах раздался щелчок, потом был трёхсекундный звон, а после пошёл чистый перевод иностранного языка.

«Оба-на! – мысленно удивился я. – Вот так фокус! Неужели это маленький бонус от бога Яровита? Да, это возможно. Хотя и не ясно, он временный или постоянный, и сколько языков я могу таким образом понимать?»

Говорила женщина, в её голосе были нотки раздражения:

– Юстас, ты должен был проследить за Вукомиром. Разве это так сложно?

– Нет, – проскрипел тоненький голос, который я моментально прилепил остроносом шпиону. – Просто княжич на лошади, а я пешком. Попробуй за ним угонись!

– Но здесь город, – в беседу вступил грубый, пропитой бас.

– И что?! – возмутился Юстас. – Он сотник дружинников! Ему везде дорогу освобождают.

– Ладно, – опять женщина. – Завтра снова пойдёшь за ним. Только присматривать начнёшь не от кремля, а от Южного торго, где ты его потерял. Наверняка он снова к своей новой полюбовнице поедет. Нам необходимо узнать, кто она, и, если понадобится, устранить её.

– Зачем?

– А затем, что интерес этого молодого жеребчика ко мне падает. Того и гляди, он меня из своей постели выгонит, а до приезда князя ещё пара седмиц.

– Хорошо. Постараюсь не упустить княжича.

– Нет. Ты не постарайся, а сделай работу, за которую тебе заплатили! А не то отправлю тебя обратно к епископу Адальберту, глупый баран.

Юстас промолчал. Внутри раздался шорох, а потом снова заговорил басистый:

– Всё. Расходимся. Нас не должны видеть вместе. Завтра встретимся в доме Кло.

– Почему у меня? – спросила женщина.

– Потому что сюда каждый раз не находишься, далеко от центра, а у тебя постоянно гости.

– Как скажешь, Эйрих.

К двери стали приближаться шаги, и я встал слева от входа. Можно уйти и рассказать, что услышал, Огнеяру. Но во мне проснулся азарт, и я решил не отступать.

Крючок откинулся. Дверь открылась, и первым на порог вышел здоровенный мордovorot лет сорока. Протискиваясь наружу, он повернулся ко мне боком, и его глаза столкнулись с моими. Темно. Но он меня разглядел. Его рот открылся, а правая рука стала опускаться на пояс, к мечу. Богатырь всё делал быстро и очень привычно. Медлить нельзя, и я не медлил.

Моя раскрытая правая ладонь метнулась в лицо противника и столкнулась с широким ровным лбом. Рывок! Ладонь толкнула голову немца назад, и он ударился о дверной косяк. От столкновения дверь вздрогнула, и противник устоялся на меня в недоумении. Ещё один рывок. Очередной удар – и он зашатался. Левая рука сжалась в кулак, и я врезал ему в солнечное сплетение, за чем последовало повторное столкновение черепа и дубового косяка. Этого хватило. Здоровяк начал заваливаться назад, а я его ещё и подтолкнул.

Бум-м! Мощное тело соприкоснулось с полом, и женщина, шедшая следом за здоровяком, взвизгнула и отскочила назад.

Прикрыв за собой дверь и переступив через Эйриха, который влетел в избу целиком, я осмотрелся и спросил:

– Ну что, суки, не ждали?

Можно было не спрашивать, поскольку моего появления в самом деле никто не ожидал. Растерянный остроносый шпик Юстас стоял в центре бедно обставленной просторной комнаты, а чертовски привлекательная брюнетка с шикарным бюстом, чётко проступающим под красивым тёмно-зелёным зимним платьем, в умоляющем жесте сложила перед собой ладони рук и глупо хлопала глазами.

Не теряя времени, прыжком я пересёк расстояние между мной и Юстасом и врезал ему под дых. Он согнулся. Я хотел было толкнуть его в сторону печки, которая занимала четверть всего пространства, но тут взвыло чувство опасности, и я отступил в сторону. Мимо просвистел какой-то предмет, а когда я посмотрел на шпику, то обнаружил, что у него в левом боку торчит узкий стилет.

Я обернулся и увидел, что женщина, которая всего пару секунд назад выглядела невинной овечкой, держит в правой руке ещё один кинжал. Мы замерли. Всего на пару секунд, которые показались мне вечностью. Юстас стал оседать на пол, а женщина метнула кинжал. Не попала. Клинок вонзился в толстое бревно, и она бросилась к чёрному ходу. Однако я был быстрее, подскочил к ней со спины и ударил красотку кулаком по голове. Густые чёрные волосы смягчили удар, но дух я из неё всё же вышиб.

Тело женщины завалилось на меня, и я аккуратно уложил её на грязный пол. Осмотрелся. Обыскал мужчин и Кло. Сложил в кучку найденное оружие, два меча и семь кинжалов, три из которых были метательными. Обнаружив за печкой толстый моток бечёвки и сняв с мужчин ремни, всех связал, забил пленникам рты замусоленными тряпками и перевязал подранка. Что делать дальше, вопроса не возникало, разумеется, следовало провести допрос, и я начал с того, кто мне в своё время насолил, то есть с Юстаса.

Шпион, которому подруга распорола бок, на его удачу неглубоко, от похлопываний по щеке быстро пришёл в себя. Попытался дёрнуться, но хренушки, связал я его хорошо. После этого он попробовал выплюнуть кляп, но не получилось. Я поставил перед ним лавку, сел и задал простой вопрос:

– Жить хочешь?

Юстас перестал дёргаться, согласно мотнул головой и промычал:

– Угум!

– На вопросы ответишь?

– Угум!

– Кричать не станешь?

– Угум!

Я вытащил кляп, и он сразу же попытался позвать на помощь:

– Люд...

От удара ногой в живот он задохнулся, а я, поняв, что придётся поработать, вставил затычку из тряпки обратно в рот пленника. Принёс от печки большой чурбак и полено, которое хорошо помещалось в руку. Ладони связанного пленника как раз аккуратно ложились на дерево, и я приступил. Описывать кровавую работу смысла нет. Скажу только, что когда я разбил Юстасу четвёртый палец, он заговорил, хотя правильнее будет сказать – затараторил. Я его слушал, о многом спрашивал. Так мы общались около двух часов.

К тому времени пришла в себя Кло, которую на самом деле звали Клотильда Тагинье, и здоровяк с нередким для того времени именем Эйрих и простецкой фамилией Мюллер. Я не ошибся. Передо мной в самом деле были вражеские шпионы, или разведчики-диверсанты, если именовать их официально. Они – часть группы в шесть человек, которая раньше работала в интересах померанского епископа Адальберта, а теперь подчиняется епископу Бремена, кстати, тоже Адальберту. Задача у них серьёзная – отравить князя лютичей Прибыслава, а затем столкнуть лбами его детей. Юстас Эгерссон отвечает за шпионаж и развитие агентурной сети в городе. Эйрих Мюллер – боевик, помимо него в городе ещё три неплохих бойца. А с Кло всё понятно. Ночная подстилка для молодого княжича, у которого гормоны играют, и потенциальная отравительница.

Всё, что хотел, я узнал. Задерживаться в избушке было незачем, и я собрался её покинуть. Встал. Проверил, крепко ли связаны пленники. В просторный плащ Эйриха собрал оружие и кошельки шпионов и, взвалив узел на плечо, вышел во двор.

Ночь, вокруг царит тишина. На небе ни звёздочки. На моё лицо упала первая холодная капля начинающегося дождя. Сейчас сдам шпионов стражникам, чтобы они отволокли их к боярину Звенку, который может взять незадачливых отравителей в оборот, благо у каждого есть слабое место, и пойду отдыхать. Причём спать буду опять-таки спокойно. Потому что я собой доволен. С тёзкой поговорил, с Огнеяром пообщался, брони и оружие получил, суд

прошёл нормально, а под вечер ещё и врагов взял. Вот бы каждый день так. Хотя пытки и болтовню Юстаса можно исключить, ибо радости в этом нет. Просто работа, и не более того.

Глава 3

Руян. 6650 от С. М. 3. X.

Наконец после всех приключений, которые произошли со мной на материке, я вернулся в Нарушу и погрузился в дела моего небольшого хозяйства. В глубине леса за посёлком я выбрал участок для постройки барачков, где будет производиться бумага. Закупил необходимое оборудование, солому, опилки, клей, жернова, проволоку и варочные котлы. Потом в окрестных деревушках нанял работников и строителей. Приставил к делу Ставра Блажко и вызвал из Новосалавы пару опытных людей, которые могли организовать производство от его начала до самого конца.

Процесс был запущен. Всё у меня шло размеренно и спокойно, словно по расписанию. В одно и то же время подъём, гимнастика, тренировка, завтрак и встречи с людьми. Затем обед, военный совет, обход владений, ужин и секс с любимой женщиной. Однако продолжалось это недолго, всего восемь дней.

В Ар кону прибыл купец Вадик Сокол, который удачно расторговался в Волегоще, а попутно по бросовой цене выкупил у своего земляка-конкурента лодью и весь товар. Как я и обещал, мы вместе с ним отправились в храм Святовиды. Я думал, что покидаю свой уютный теремок и милую Нерейд на пару дней. Однако на деле вышло так, что уехал на четыре недели, ибо одно дело тянуло за собой другое. Поэтому приходилось много бегать и суетиться. И вроде бы Чаруша рядом. Но как-то так получалось, что добраться до ридной хаты не было никакой возможности, и я оставался ночевать в штаб-квартире ОБК, куда иногда вызывал жену.

Но прежде чем перейти к сегодняшнему дню, расскажу, чем был занят всё это время.

Сначала мы с тёткой посетили Векомира. И после того как верховный жрец подтвердил, что за труды готов в пределах острова предоставить семье ладожских Соколов торговые привилегии, мы детально обговорили условия нашей сделки, которые достаточно просты. Купцы нанимают необходимых острову людей и переправляют их в Новгород, откуда в конце весны вместе с венецианским посольством они отправятся на Руян. Взамен Соколы получают право на беспоплатную торговлю, полную оплату своих трудов по транспортировке воинов и ремесленников, а также возможность торговать бумагой и чернилами, пробную партию которых тётка захватил на родину.

Довольный собой молодой купец, который вполне справедливо считал, что после удачного торга его авторитет среди старших членов большой семьи заметно поднимется, вместе с попутным ветром вышел в море. А я с подачи Векомира вновь был привлечён к делам Отдела по борьбе с крестоносцами, который в последнее время стал работать гораздо эффективнее. С утра и до позднего вечера я консультировал новых членов нашей конторы, старых храмовников и молодых волхвов, учил их логически мыслить, рассказывал, как правильно раскидывать шпионские сети на территории врага, объяснял азы контрразведки и партизанских действий, давал примеры системной аналитики, то есть щедро делился всем, что знаю и умею. И поскольку народ подобрался тёртый и жизнью битый, а тупорезов не наблюдалось, всё, что я говорил, воспринималось всерьёз, материал усваивался с ходу.

Затем выдалось свободное окно в пару дней. Я собрался было оседлать лошадь и выехать на своё маленькое предприятие, где уже поставили первый барак и началась пробная варка бумажной массы, но в святилище Святовиды с голубем прилетело письмо от Огнеяра, который сообщал, что для меня есть отличный шнеккер, трофей, захваченный лютичами возле своих берегов. Храм уже заплатил за него сто сорок гривен, и судно ждёт меня в одном из

рыбачьих поселений не遠далеке от Волегоща. Вот только для его перегона необходим хотя бы минимальный экипаж в десять-двенадцать человек.

Я человек понятливый, и вместо шалей-валяй, гуляй-развлекайся отправился в Ральсвик, где после похода в Швецию и войны с ляхами отдыхало три четверти всех руянских варягов. Серебро у мореходов пока имелось, благо добыча в минувшем году была богатая, так что о работе никто не думал. Однако я на немедленный набор дружины и не рассчитывал. Мой интерес в другом. Следовало присмотреться к людям и прикинуть, когда большинство вольных воинов потратит свои накопления. А заодно хотелось пообщаться с весьма интересным для меня человеком – капитаном без корабля Ранко Самородом. Он не так давно лишился своей лоды, а средств на покупку новой не имел.

Саморода, средних лет высокого костистого моряка с бледно-синими выцветшими усами и чубом на голове, я нашёл быстро и сразу узнал. Ральсвик – город немаленький, но привычки людей неизменны, и, насколько мне известно от знакомых варяжских вожаков, Ранко всегда останавливался в одной и той же таверне, которая принадлежала его старшему брату Перваку.

Мореход был невесел. В одиночестве сидел за столом и пил пиво. На улице шёл ливень. Таверна пустовала, как раз промежутки, когда обед уже прошёл, а до вечера ещё есть паратройка спокойных часов. Обстановка была какая-то безрадостная. Однако меня это не смутило. Я заказал кружку горячего вина с какими-то травками, молча сел напротив Саморода и сразу же услышал от него:

– Чего надо? Не видишь, мест пустых кругом полно? Не мешай мне, парень.

Машинально я отметил, что рука варяга легла на широкий кинжал, а хозяин заведения, пожилой лысый мордастый крепыш за стойкой, прислушался. Всё правильно. У каждого бывалого вояки из племени ранов столько врагов, что всегда надо быть настороже. Поэтому реакция братьев Самородов легко объяснима.

– Меня Вадим Сокол зовут, – начал я разговор.

– И что? – Капитан прищурился.

– Я слышал, что у Ранко Саморода сейчас трудные времена. И если это ты, я хочу предложить тебе работу.

– Что надо сделать?

– Собрать варягов, хотя бы человек десять. Отправиться в Волегощ. От храмовников Яровита получить шнеккер и кое-что из вооружения. После чего перегнать корабль в Чарушу и поставить в сарай. До весны привести его в порядок. Просмолить борта, заменить канаты, перебить повреждённые доски и подлатать парус, а по весне пройти вдоль берега и проверить мореходные качества судна. За всё это заплачу тебе пять гривен и по две каждому варягу. Срок найма три месяца, а потом, если сговоримся, ещё работа будет.

– Какая именно?

– У меня есть судно, но мало опыта. Значит, необходим наставник и опытный капитан, который сможет набрать экипаж и провести шнеккер в любую точку Венедского моря. Плачу серебром.

Ранко задумался. Мы помолчали и одновременно, растягивая время, поднесли к губам кружки. Выпили и опять помолчали. После чего капитан слегка кивнул в сторону брата, мол, опасности нет, и спросил:

– Откуда обо мне знаешь?

– Люди о тебе говорили, а я услышал.

Самород слегка нахмурился, и мне пришлось пояснить:

– Судибор Рутенц о своём побратиме, который в сильный шторм влетел и корабля лишился, хорошо отзывался.

– А-а, теперь понятно. – Капитан усмехнулся, видимо, вспомнил что-то, связанное со старым другом, и продолжил расспросы: – Ну а за тебя, Вадим Сокол, кто слово сказать может?

– Князь Мстислав, тот же Судибор Рутенц и волхвы арконские.

– Все люди серьёзные. Да вот беда. Рутенц в Волине зимует, князь в Коренице, а волхвы на другом конце острова. Кто тебя в Ральсвике знает?

– Володарь Годун, Третьяк Уветич, Сбыслав Русай...

– Хватит, – остановил меня Ранко. – Все эти вожаки сейчас здесь. Я с ними поговорю, ответ дам утром. Пока же будь гостем моего брата.

– Хорошо...

На следующее утро Самород согласился перегнать шнеккер и привести его в порядок. И я, побродив по Ральсвику и пообщавшись со своими знакомцами по Сигтуне и Пырыце, вернулся в Аркону, где происходило знаковое событие местного масштаба.

В гости к Векомиру прибыли все князья венеков: Мстислав, Прибыслав, Никлот и новый вождь поморян витязь Рагдай. Для чего они собрались, понятно. Несмотря на разгром ляхов, которые в настоящий момент собирали деньги на выкуп своего князя-кесаря и его дворян, опасность не отступила. Это было ясно любому здравомыслящему человеку. Следовательно, требовалось продолжить ослабление наших противников и нанести по ним очередной удар. Но куда направить воинов? Такой вопрос наверняка не раз задавали себе князья. И у каждого на этот счёт было своё мнение.

Мстислав Виславит, например, считал, что необходим поход на Ольденбург и Любек. Никлот предлагал атаковать своего соседа графа Адольфа Шауэнбургского и пройти по землям саксов. Прибыслав хотел осадить Бранденбург и присоединить к венедам племена стодорян, покорившихся немцам. А Рагдай, который начал вытеснять со своих земель за пограничную реку Нотец польских поселенцев-католиков, расселявшихся там при Грифинах, только развёл руками, мол, и рад бы повоевать, братья, но силёнок не хватает.

Короче, князья и сопровождающие их воеводы спорили долго. За малым вновь не перессорились. Но поскольку совет шёл в храме Святовиды и под присмотром Векомира, всё закончилось мирно. Вожди племён обменялись информацией, получили собранные ОБК сведения, посоветовались с верховным жрецом и разошлись.

Второй день общего совета, на котором я присутствовал как наблюдатель, проходил тихо и несколько тревожно. Из Дании была получена весть, что в последний день первого весеннего месяца на острове Зеландия будет собран большой тинг. Сбор объявлен слабым и болезненным королём Эриком Третьим, который призвал свой народ прекратить любые боевые действия против соплеменников, и его поддержал вернувшийся из Европы Ассер Риг, за спиной коего всегда маячили католические монахи и рыцари. Судя по всему, советник Кнуда Лаварда всё же сообразил, кто уничтожил его воспитанника королевича Вальдемара, и теперь жаждет мести. Но сам отомстить ранам он не в состоянии, и на тинге Ассер Риг наверняка попробует примириться с ярлом Свеном Эстридсеном и предложит ему возглавить войско викингов, которое должно напасть на Руян.

Наша надежда на долгую гражданскую войну в Дании не оправдалась. И хотя викинги ослаблены, они могут кинуть против венеков флот, который будет превосходить варяжский минимум в полтора раза, особенно если им норги и гетландцы помогут, а они, коли цистерцианцы попросят, данов поддержат. Венеков такой вариант, само собой, не устраивал, а значит, требовался удар на опережение, и после долгого совета князья решили следующее.

Необходимо напасть на данов прежде, чем они договорятся между собой и соберут в кулак боевые эскадры. Время атаки должно совпасть с моментом проведения тинга. Что же касается плана, то ничего нового придумывать нужды не было. Благо имелся опыт Никл ота и воеводы Крута, которые уже высаживались на вражеские берега, в том числе и на Зеландию. Сбор всех сил в Ральсвике на Комоедицу. Рядовые воины о цели похода знать не должны. Как только армия будет готова, выход в море. Конницу Никл ота переправят торговыми судами и расшивами, а пехота пойдёт на лодьях. До Зеландии недалеко, а волхвы могут предсказать

погоду. И далее всё по накатанной колее. Высадка. Атака Роскилле, где, скорее всего, пройдёт тинг. Уничтожение всех врагов, кто примет бой и не сбежит. Сбор трофеев и возвращение на Руян.

Все понимали, что даны могут нас ждать и в состоянии выставить крупное войско. Но победы минувшего лета и осени бодрили и пьянили, а когда князья чувствовали поддержку братьев по крови и могли не опасаться нападения на свои дома со стороны соседей, это придавало им дополнительную уверенность в своих силах.

Итак, предварительные договорённости были достигнуты, и совет завершился. Вожди подтвердили, что станут биться с врагами и перед ликом Святовида дали клятву стоять заодно. В конце кратко высказались воеводы, которые, естественно, поддержали своих верховодов. И вдруг, когда князья уже готовы были разойтись, Векомир дал слово мне.

Я ничего подобного не ожидал. Стою себе спокойно. Слушаю речи, гоняю мыслишки и никого не трогаю. Что надумал, собирался рассказать Векомиру, и тут он меня выкликнул:

– Ведун Вадим Сокол, ты можешь что-то сказать?

Все присутствующие посмотрели на меня, но я не смутился. Люди вокруг не чужаки и практически с каждым я где-то пересекался. Правда, они могли удивиться тому, что верховный жрец вызывает простого ведуна, но коли так, то это повышение моего личного статуса в глазах общества. Сие мне на руку, а потому я не ерепенился, выступил из живого полукруга, который образовался возле статуи Святовида, и вышел на середину.

– Да. Мне есть что сказать.

Мой взгляд столкнулся со взглядом Векомира, который одобрительно кивнул:

– Говори.

– Князья, – приложив правую ладонь к сердцу, я слегка поклонился в сторону вождей, которые стояли плечом к плечу, – бояре, – кивок в сторону воевод. – Скажу, что на душе лежит и в думах. Я слушал вас, и сердце моё пело оттого, что венеды готовы сообща идти в бой и забыть мелкие склоки прошлых лет. Это хорошо, и боги, которые смотрят на нас, наверняка радуются этому. И когда ваши корабли пойдут в гости к данам, мой шнеккер будет с вами. Однако есть кое-что важное, на чём я хотел бы заострить ваше внимание. Разрешите слово молвить?

– Красиво плетёт, – донеслось до меня от воевод.

– Да, будто по писаному, – добавил кто-то.

Князья переглянулись, и ко мне обратился Никлот:

– Мы выслушаем тебя, ведун.

По большому счёту князей можно было и не спрашивать, ведь есть разрешение верховного жреца. Однако проявить уважение к ним необходимо. А поскольку я их действительно уважаю, то можно и поклониться, и обратиться.

– Вожди, вы поведёте нас в бой, и мы пойдём за вами. Победа будет за нами, и в этом сомнений нет. Вот только что потом, после того, как мы разобьём данов, разгоним тинг и разграбим города врагов? А я скажу что. За год-другой при содействии европейцев даны восстанут, отстроят города и корабли, а затем вновь начнут готовить свои налёты на Руян. И сейчас, в присутствии лучших мужей венедских племён, стоя перед ликом бога, я хочу сказать, что пока на нас не налетели германцы, а ляхи откатываются в свои земли, мы должны так ударить по данам, чтобы они долго на ноги встать не могли. – Я обвёл взглядом лица мужчин вокруг меня и выдохнул: – Мы должны захватить Зеландию и сделать её нашим островом.

Народ зашумел. Кто-то недоверчиво хмыкнул, а кто-то даже возмутился, мол, что за чушь. Но я посмотрел на князей и на верховного жреца и понял, что идея им понравилась. Пока верховоды не до конца осознали, что к чему да отчего, но позже всё переосмыслят. Они подумают, прикинут свои силы, посоветуются с воеводами и решат, что я прав. А чего? Я всё верно сказал. Зеландия – это богатый кусок суши, который вместе с островами Мэн и Фаль-

стер перекрывает выход в Северное море. Следовательно, кто им владеет, тот считается хозяином проливов. Опять-таки именно возле берегов Зеландии формируются все эскадры датских викингов, которые идут на венедов, а если мы там встанем и держаться будем крепко, к Руяну с запада никто не прорвётся, а Любек и Ольденбург, как морские порты, станут неинтересны.

Снова ко мне обратился Никлот:

– Ладно баешь, ведун Вадим. Но ты понимаешь, что предлагаешь сделать?

– Да, я всё понимаю и осознаю, точно так же, как и то, что второго такого шанса может не представиться. Его просто не будет, потому что через год-два полыхнёт всё пограничье и собрать войско, в котором будут воины всех четырёх венедских племён, возможно, уже не удастся.

– Надо думать.

– Так никто никого не торопит.

– Что ещё можешь сказать, ведун? – Бородатый темноволосый князь, глаза которого блеснули весёлыми искорками, передёрнул плечами, и красный плащ на его плечах вздрогнул.

– Войску нужен один вождь, и он должен быть выбран сейчас, а то все вы видели, что в Щечине происходило, когда воины готовились выступить на Пырыцу. Едва всё дело не порушилось, ибо каждый хотел быть первым. Так что этот вопрос надо решить прямо сейчас, пока все князья вместе. Кроме того, для такого большого дела, как захват Зеландии, нам нужны союзники, и я предлагаю позвать свеев Гутторма Тостерена и пруссов, которые за добычу и оружие на своих дубасах пройдут вдоль берега и выйдут к датским берегам. Пусть свеев будет немного, хотя бы три-четыре драккара. Но это триста – четыреста воинов, которые встанут на нашу сторону. И пруссы, если правильно с ними поговорить, три-четыре тысячи бойцов выставят. Для нас это ощутимая помощь.

– Не надо нам никакой помощи! – выкрикнул один из бояр.

– Правильно! – поддержал его другой. – Мы сами с данами справимся!

Я посмотрел на крикунов. Первый – похожий на медведя пожилой крепыш из свиты Никлота, кажется, Гудим Громобой. Второй – правая рука Мстислава, тридцатилетний капитан «Стратима» Талалай Прислав, принявший командование кораблём после того, как Выдыбай был избран вожаком ранов. Оба боярина – люди авторитетные и горячие. Громобой за незалежность бодричей радуется, а Прислав до добычи жадный. Это я знал, и вступать с ними в спор не хотелось. Однако я уже разошёлся и останавливаться не собирался, а потому посмотрел прямо в глаза Громобоя, который был ко мне ближе, шагнул в его сторону и повысил голос:

– Гудим, я помню тебя. Ты под Пырыцей в конце битвы двух ляшских дворян копьём из седла выбил, а значит, воин знатный и не трус. Но помощь нам всё же нужна, а тот, кто говорит, что нет, может посмотреть на стодорян. Они тоже кричали, что им не надо подмоги, мол, сами герои. И что мы видим теперь? Они под немцами, и Бранибор стал Бранденбургом. Мало этого примера? Давай дальше. Моричане сами по себе были, а теперь их столица Девин называется Магдебург. От древан уже и памяти почти не осталось. Мильчане, лужичане, слупяне, плони, худичи, нишане и многие другие племена кресты на шее таскают и рады тому, что под плетью ходят. И всё это оттого, что каждый был сам по себе. А я говорю, что так нельзя. В единстве сила – таков завет предков. Но венедам пока не на кого опереться среди братьев по крови. Следовательно, нужно искать помощи у тех, кто держится за родовую традицию и старых богов. Именно поэтому необходимо поднимать свеев и пруссов. Иначе, дай срок, и они поднимутся против нас под знамёнами католиков.

Громобой от такого наката с моей стороны как-то потерялся и только пробубнил:

– Да я же как лучше...

Воеводу прервал Векомир, поддержавший меня:

– Ведун Вадим дело говорит. Но над этим надо подумать, так же как и над другими его речами. Вадим, есть ещё что сказать?

– Нет, – мотнул я головой.

– Тогда завтра соберёмся ещё раз. Пусть каждый подумает над целью весеннего похода и о привлечении союзников, а потом мы вместе примем окончательное решение. Заодно вождя всего войска выберем и гадание проведём.

Один за другим князья и бояре, на ходу переговариваясь, покидали храм Святовида, а я задержался. И когда мы с Векомиром остались вдвоём, я посмотрел на седобородого старца в белых одеждах и спросил:

– Ты знал, что я скажу?

– Нет. – Верховный жрец подошёл к украшенному узорами и древними знаками бело-мраморному Алатьрю перед статуей своего божества, огладил холодный камень ладонью, в задумчивости посмотрел на лики Святовида. – Меня словно в спину толкнули – дай слово Вадиму. Может, это интуиция, а может, веление бога. Непонятно, но это и не важно. Главное, ты сказал, что вызвало интерес князей и самых умных воевод. А раз так, твой выход на круг был по делу.

Белый конь Святовида, стоявший за деревянной стеной, будто подтверждая слова волхва, стукнул по полу копытом и громко всхрапнул, а я кивнул на выход и спросил старика:

– Как думаешь, Векомир, они примут мои предложения?

– Да. В этом я не сомневаюсь. – Жрец кинул на меня косой взгляд. – И дело здесь даже не в том, что надо остановить набеги данов и создать опасное положение для гетландцев и немцев. Князья мыслят немного иначе, чем мы, радары богов. Поэтому сейчас каждый из них думает о том, что, захватив Зеландию, он сможет нарезать одному из своих многочисленных отпрысков земли и дать ему рабов из местных бондов, которых, в отличие от вольнорождённых соплеменников, можно пригибать к земле ярмом. Опять же это принесёт большую добычу и позволит варягам беспрепятственно выходить в океан, а то даны совсем обнаглели, заперли нас в Венедском море и теперь нам можно выскочить лишь тайком либо с караваном новгородцев. То же самое с союзниками. Ты думаешь о боевом братстве, которое сплотит сторонников родной веры, а воеводы прикидывают, что иноземцев можно кинуть на самое опасное направление и за счёт этого сберечь своих воинов.

– Это я тоже понимаю, потому и высказался. А что с общим вождём, кто им станет?

Старый волхв ответил сразу:

– Никлот.

– Это потому, что он уже воевал с данами на их территории?

– Не только. Его земли ближе всех к Зеландии и Фальстеру, и у него с викингами свои счёты, ещё со времён Кнуда Лаварда. Поэтому мягкости данам от него ждать не придётся.

– Ясно. Мне завтра на совет приходить?

– Разумеется. Кстати, там же встретишься с вождями, которые по весне, думаю, на Живин день, покинут Руян и пойдут в Винланд.

Мысленно я потёр руки. Наконец-то начинается движение в сторону Америки. Но виду, что рад этому, не подал, сохранил невозмутимость и спросил:

– И кто же это?

– Будимир Виславит и Авсень Беридрагович.

– Знаю этих достойных вождей.

– Вот и хорошо. Пообщаешься с ними. Обговорите пути. Нарисуешь для вожаков карты, сравни их с нашими, а потом расскажешь варягам о краснокожих людях. У вас вся зима впереди, но готовиться к дальнему походу надо уже сейчас.

– Понятно.

– Тогда иди.

Поклонившись, я развернулся и широким шагом вышел на храмовый двор. Несмотря на сильный холодный ветер с востока, который ударил мне в лицо, настроение хорошее и слегка

приподнятое. Пошла суета! Пошла! Даёшь Винланд, картошку, сахар, кукурузу и золото ацтеков! Я Авсеня Беридраговича и Будимира, вместе с которыми был в Швеции, хорошо запомнил. Эти двое, один старый и многоопытный, а другой молодой и рьяный, если до заокеанского материка доберутся, то так в тех краях развернутся, что не остановишь. Это точно, ибо люди они сильные, хитрые и цепкие, словно абордажные кошки, а значит, своего не упустят, особенно благородный Виславит, который мечтает стать королём.

Глава 4

Руян. 6651 от С. М. 3. X.

Что скажешь, Вадим, принимаешь работу?

Я ещё раз окинул взглядом стоящий в полутёмном корабельном сарае шнеккер, затем посмотрел на капитана Саморода и утвердительно кивнул:

– Работу принимаю. Хорошо всё сделали, Ранко. Корабль готов к выходу в море. Деньги получишь у меня дома. Хочешь сейчас, а хочешь с утра.

– За серебром завтра зайду. Сейчас ведь только половина причитається?

– Да. Остальное после того, как судно на воду спустим.

– Договорились.

Самород опёрся на отлично просмоленный чёрный борт корабля и спросил:

– Как его назовёшь?

Вариантов в голове было много, но в итоге осталось только одно.

– Назову его «Яровит».

– Доброе имя для боевого корабля. Теперь бы ему носовую фигуру поставить.

– Фигуру в храме Святовиды уже заказал, там резчики хорошие. А когда её сделают, из Кореницы приедет волхв Яровита и благословит корабль, названный в честь нашего бога.

– Ясно.

Ранко примолк и замялся. В его душе было лёгкое смятение, и я знал, чем оно вызвано. Поэтому не стал ждать, пока он выскажется, а сам подтолкнул бывалого морехода в нужном направлении:

– Ты подумал над моим предложением стать командиром этого корабля?

– Да. – Капитан кинул взгляд на улицу, где находился десяток варягов из его ватаги.

– И что решил?

– Я согласен. Но у меня будет одно условие.

– Какое?

– Людей в команду наберу самостоятельно.

– Думаешь, собрать своих ватажников?

– Конечно. Ведь, насколько я понимаю, нам придётся много по морю бродить, а в чужих водах без драк не обходится. У меня же воины знатные, и никого обучать не надо.

– Принимается. О твоей ватаге я только хорошее слышал. Но с тобой, наверное, не все пойдут?

– Это так. Но человек тридцать будут мои, остальных наберу в Ральсвике.

– И когда отправишься собирать варягов?

– Завтра в полдень выеду. Только деньги на наём нужны.

– Получишь.

Мы покинули корабельный сарай и простились. Самород и варяги, обсуждая своё будущее, остались, а я направился домой. Время полдень. Утро было суетным и началось с посещения бумажного производства, затем я осматривал шнеккер. Постоянно двигался, поэтому аппетит нагулял зверский. Опять прохладно, с моря дует промозглый ветер. Сырость на Руяне постоянна, и температура воздуха минус десять – двенадцать градусов по Цельсию ощущается словно минус тридцать. Трудно к этому привыкнуть, и мне периодически хочется забиться туда, где тепло и сухо, и не вылезать из такого уютного местечка до самой весны. Вот и сей-

час настрой такой же. Поэтому я погонял мохнатую лошадку и вскоре, проехав через Нарушу, оказался перед стенами своего жилища.

Ограда сделана из дубовых брёвен, а ворота, которые прикрывали две стрелковые башни, обиты металлическими полосами. Всё по делу, а не ради понтов, как думают некоторые несознательные граждане. Это сейчас на Руяне тихо и спокойно, а что завтра будет, неизвестно. И пусть местные жители, а больше всех староста Гнат Дужко, посмеиваются надо мной и говорят, что опасаться некого, я знаю, что они не правы. Опасность есть всегда. Поэтому лучше отгородиться от мира стеной, какая никакая, но преграда для врагов, а рыбаки пусть надеются на близость острога и на лес, который может спрятать их от пиратов и захватчиков. Им-то по большому счёту бояться некого, потому что с них взять нечего и врагов у них нет. А мне после всего, что я видел на материке и слышал от шпионов епископа Адальберта Бременского, надо остерегаться, ибо враг не дремлет.

Хорошо смазанные петли ворот провернулись, створки раскрылись, и я въехал на расчищенный от снега просторный двор. Ко мне подскочил Славута Мох, бывший ротник Новгорода, а ныне ключник боярина Вадима Сокола, как он сам себя именует. Следом за ним от ворот подошёл рыжий паренёк в полушубке, на ходу что-то жуя, Торарин-швед, бывший раб, ставший воспитанником Славуты. Мальчишка подхватил лошадь под уздцы, а я спрыгнул наземь и спросил ключника:

– Всё в порядке?

– Да, Вадим, – ответил пожилой воин.

Я огляделся, заметил стоящих у терема людей, семью из пяти бедно одетых человек – средних лет светловолосого мужика, худую женщину и трёх малявок от трёх до семи лет, – и кивнул на них:

– Это кто?

– Работники. Нам по хозяйству помощь нужна. Вот я и кинул клич по деревням. Эти первые, беженцы из-под Ольденбурга, с саксами не ужились, и их один из варяжских вожakov на остров вывез. Вроде как спас, а дальше-то что? Сейчас зима, и податься им некуда. Венеды, конечно, приютят и едой поделются, но в общину чужака не примут.

– И они решили к нам податься?

– Ага!

– Из какого они племени?

– Древанского корня.

– Хорошо. Поговори с ними. Если люди работающие и немногословные, то прими. Плату назначь сам. Купи им одежду и приставь к делу. В общем, сам всё знаешь.

– Знаю.

Только я собрался войти в терем, как на дороге показался запряжённый двумя мощными жеребцами-тяжеловозами покрытый рогожками гружёный бортовой возок, явно направляющийся ко мне. Я вроде бы никого не ждал, разве только портного, которого вызвал из Арконы, но он должен приехать на лошади. Поэтому я двинулся к воротам. В случае чего встречу незваных гостей сталью, а там Мох и Немой подбегут.

Повозка остановилась. Возница, типичный ран, кряжистый мужик с короткой тёмно-русой бородкой, слез на землю, оправил потёртый тулупчик, сдвинул набок меховую шапку и, засунув за пояс кнут, подошёл ко мне. Искося заглянув во двор, он представился:

– Я Мирослав, работник Радима Менко. Прислан к Вадиму Соколу.

– Это я.

– Радим велел кланяться и сказал, что из Волегоща для тебя прибыл груз. Я его доставил.

– И что за груз?

– Самострелы вроде, – пожал плечами возница.

– Ну-ка, посмотрим.

Откинув рогожу, я увидел очередной подарок от жрецов, так сказать, босяцкий подгон. Один к другому в повозке лежали заказанные в Волегоще арбалеты. По первому впечатлению, изъёнов не имелось, и я вытащил один. По весу самострел был килограмма два с половиной. Выглядел незатейливо, но в то же время грозно. Покрытое лаком, хорошо обточенное ложе с желобком под стрелу, на нём – стрелковый механизм, который, по моим указаниям, был немного видоизменён и модернизирован. Стальной лук без тетивы, которую при транспортировке никто не натягивал. Спусковой механизм с предохранителем (моё нововведение), шайба, фиксатор и зацеп для тетивы. Ничего сложного, а подишь ты, просто так с ходу подобное оружие не придумаешь, лично я точно не додумался бы. Но ничего, после битвы с ляхами у меня появились образцы. А дальше всё одно к одному сложилось, и оружейники лютичей смогли скопировать самый лучший из них, добавить приклад и сделать удобный спуск. Красавцы! Уважаю!

Вернув арбалет на место, проверил остальной груз. Отдельно от арбалетов лежали упакованные в полотно тетивы. Затем – трофейные самострелы, которые я давал на образец, а рядышком широкие кожаные пояса с крюками и вязанки коротких стрел-болтов с железными наконечниками.

– Славута, – обернулся я к ключнику, он уже был здесь.

– Слушаю.

– Примешь груз и уложишь в тереме. Всё проверь, если что не в порядке, запомни или запиши.

– Понятно.

Я посмотрел на нахмурившегося возницу – мол, не доверяют ему – и подбодрил его:

– Если всё довёз хорошо, получишь ногату серебром.

Теперь нахмурился ключник, который стал воспринимать моё добро как своё собственное и считал, что я транжира. Однако промолчал, кивнул и вместе с возчиком повёл тяжело-возов, которые запросто могли ходить под каким-нибудь европейским рыцарем, во двор.

Пока суд да дело, появился ещё один гость, моложавый брюнет с объёмным животом, портной из Арконы, Завид Жарох, которого я неделю назад пригласил к себе в гости. Заказов у Жароха, видать, немного, поскольку на поездку пошивочных дел мастер согласился почти сразу, и вот он здесь.

Я провёл портного в терем, усадил в горнице поближе к печи и позвал Нерейд, которая перебирала собранные за лето травы и корешки. Положил перед мастером стопку рисунков на бумаге, посмотрел на жену, и она, моя белокурая красавица, смутилась. Ну, это и понятно, ибо я решил озаботиться внедрением нижнего белья, не только мужского, но и женского. Отсюда и смущение.

Завид суть моих эскизов, надо сказать несколько грубоватых, уловил быстро. Сказал, что пошить такое эксклюзивное бельишко из тонкого полотна не проблема, были бы средства, и я его заверил, что они есть. Затем пришёл черёд второй стопочки рисунков, и вот здесь уже у нас завязался серьёзный разговор, поскольку одно дело – льняные трусы сшить и совсем другое – камуфляж, маскхалат, чёрный мундир, брезентовую горку, летние солнцезащитные панамы и флаги с Рарогами. И всё это необходимо не только пошить, но и раскрасить в цвета, которые угодны заказчику. Однако ничего, после подробных разъяснений опытный мастер во всём разобрался. Далее он снял с меня и жены мерки, покивал, задал десяток дополнительных вопросов и получил задаток в три гривны. Затратно для меня, конечно, но, с другой стороны, впереди девять веков и прожить их хотелось бы красиво. Если же меня убьют, то зачем мне деньги?

Сам не заметил как, но за разговорами пролетело более трёх часов. За окном стали сгущаться сумерки, и я наконец добрался до стола. Плотно поужинал, поговорил с женой. Она пожаловалась на Игоря Ольговича, который жил в тесной каморке на первом этаже рядом с

Немым, мол, князюшка посматривал на неё нехорошо. Правда, при этом ничего не говорил, так как рядом находился вагр, но ей от одного взгляда было беспокойно.

Что делать? Пленник у меня дорогой, но чересчур наглый и беспокойный. Поэтому постоянно приходилось его немного воспитывать. Поначалу, когда особенно тяжело было, нормы нашего совместного общежития доводил до него кулаками, а пару раз и ногами. Помогло. Игорь Ольгович, который настаивал, что его необходимо величать по крестному имени Георгий, умерил свой пыл, удрать не пытался и даже получил относительную свободу в пределах подворья. Однако нет-нет, а надо было с ним разговаривать, а то еда ему не та, да лошадь для прогулки подайте, да икону привезите, да слугу специального выделите. Икону, кстати сказать, я ему всё же достал, а про остальное велел забыть. Пусть ест и пьёт, что дают, а про лошадь даже не думает – не дай боги, упадёт ещё и убьётся. А мне это не в радость, и даже наоборот, расстройство сплошное, ибо тысяча гривен пролетит мимо.

Короче, не откладывая дела в долгий ящик, я зашёл в комнатку гостя, застав его за молитвой. Князь Игорь, мужчина не старше сорока лет, с густой сединой в чёрных волосах, стоял на коленях перед образом Богородицы, которая была нарисована по византийским канонам и освещалась огнём толстой свечи, смотрел на неё и шептал:

– Царица моя преблагая, надежда моя Богородица, заступница убогих, сирых, странников, скорбящих в радости и обиженных. Узри мою беду, узри мою скорбь, помоги мне как немощному и накорми меня как странника. Узри мою обиду и помоги мне, заступница. На тебя уповаю, только на тебя одну, благая утешительница. И молю тебя, пресвятая Богородице, наставь меня на путь истинный, дай мне избавление от страданий, покой в мире и сохранность живота моего. Аминь.

Кинув на меня из-за плеча косой недобрый взгляд, князь продолжил молиться. А я, никуда не торопясь, сел на лавку за столом, где Игорь Ольгович недавно трапезничал и в одно жало, словно сырый и убогий, умял жареного гуся и половину хлебного каравая, да запил всё это литром пива. В общем, неплохо живёт Рюрикович, дома же наверняка расскажет, что ходил в кандалах и томился в сырых подвалах, а богомерзкий колдун его угнетал и принуждал сменить истинную веру. Да, скорее всего, так и будет. Но чему быть, того не миновать. Хай клеветает.

Наблюдая за Ольговичем, который никак не желал останавливаться, я подпёр голову левой рукой и задумался. Мыслей было много и на разные темы. Но больше всего меня занимал предстоящий весенний поход в Зеландию. Причём не сами боевые действия, а то, что будет после них.

Местных жителей частью обратят в рабов, частью сделают холопами, с этим всё понятно. Кто к нам с чем придёт, тот от того и погибнет. Данный принцип известен с давних времён. Потом начнётся раздел острова, и когда я над этим начал размышлять, то мелькнула думка, что хорошо бы и мне кусок пожирнее урвать. Мысль пришла и ушла, а я сам себя не понял. Попытался разобраться и задал себе резонный вопрос: зачем тебе, Вадим, земля, если ты обосновался на Руяне? Ответ пришёл моментально, и фрагменты нехитрой головоломки встали на свои места. На Руяне всё поделено между общинами, боярами и религиозными культами, поэтому большое производство здесь не развернёшь. А в конце весны, если мои ладожские однофамильцы выполнят свою часть нашего уговора, у меня появятся переселенцы, которым на острове, скорее всего, никто не обрадуется. Значит, Чаруша – это только временная база, где можно держать доверенных людей, того же Ставра Блажко и Славуту Моха, самому здесь иногда отдыхать и бумагу делать. Однако постоянное место дислокации и базу придётся строить в других краях. Зеландия под это дело подходила, и я развил бурную деятельность.

Перво-наперво, пользуясь своим служебным положением, достал карты острова, который вскоре станет венецианским. Потом поднял данные разведки, что собрала на всех тамошних феодалов более-менее полное досье с описанием дружин и замков. Всё это просмотрел, пере-

осмыслил, проанализировал, сделал ретроспективу на будущее, прислушался к собственной интуиции и приглядел для себя отличную гавань с восточной стороны острова. Живёт там один ярл, боевитый и храбрый, но безмозглый и неудачливый, зовут его Кари Кольгриммсон. У него имеется замок и один драккар, хотя отец оставил ему в наследство четыре корабля. Только наследник всё растерял, и теперь некогда грозный замок Коль-гримм ветшает и дряхлеет. Ярл Кари носится по всем датским островам, вступает в драки и теряет воинов. Побед нет, добычи тоже, и год от года его положение только ухудшается. Следовательно, когда армия венедов высадится в Зеландии, разгонит данов, а затем рассыплется по острову, мне придётся очень быстро кинуть свою дружину к семейному логову Кольгриммсона, захватить его и вместе с прилегающими территориями объявить своим владением. Со мной никто спорить не станет, земли хватит на всех. И только после обретения своего феода я вернусь на Руян, загружу шнеккер бумагой на продажу, прихвачу князя Игоря и вместе с посольством пойду в Новгород. Потом в Зеландию отправятся волонтёры-контрактники из Киевской Руси.

Вот такой план родился в моей голове, и каждый новый день добавлял в него маленький штришок.

Прерывая мои размышления, пленник затих. Он встал с колен и сел напротив. Лицо князя было хмурым, и он взял жбан из-под пива. Сосуд оказался пуст и, вернув его на стол, он исподлобья посмотрел на меня, а я начал мужской разговор:

– Георгий, ты зачем на мою жену засматриваешься?

Вопрос был задан в лоб, и, втянув голову в плечи, Ольгович выдохнул:

– Ты недостойн быть рядом с такой красавицей.

По моим губам пробежала усмешка.

– А ты достоин?

– Я Рюрикович, а ты всего лишь венед и колдун.

– Да какой ты Рюрикович? – Усмешка превратилась в широкую улыбку. – Прабабушка у тебя Ингегерда, шведка. Бабушка армянка, монахиня Киликия, которую твой дед, тогда ещё князь Тмутараканский, из монастыря украл. Мама, Феофания Музалон, гречанка. И ладно кровь, о расовой чистоте спорить не станем. Главное, дух в тебе чужой, рабский. В твоём дедушке ещё что-то от Рюриковича было. В брате старшем, Всеволоде, пара капель есть. А в тебе пустота, которую ты заполняешь преклонением перед чужими богами. Это твоё дело, не мне тебя чему-то учить. Но когда ты, по сути иноземец, заявляешь, что стоишь выше других славян, вот это глупость.

– Да я... – вскинулся князь, сжимая кулаки.

Однако я был начеку, слегка приподнялся и ударил его в челюсть. Зубы Ольговича, какие у него ещё остались после наших воспитательных бесед, щёлкнули, и он шлёпнулся обратно на лавку. Я дождался, пока он придёт в себя, и сделал ему предупреждение:

– В общем, так, Георгий, ещё раз на мою женщину посмотришь, кастрирую. Я тебя обещал вернуть живым, а насчёт здоровья разговора не было. Ты меня услышал?

– Да-а, – сплюнув на ладонь сгусток крови, ответил князь.

– Тогда спокойной ночи тебе, князюшка.

Ольгович еле слышно послал мне вслед проклятия. Но что мне до них? Чепуха это всё, ибо нет в нём силы, какая была в Рюрике, Святославе и Ярославе Мудром. Выродился потомок. Пустышка. Поэтому мне он интересен исключительно как источник информации по Киевской Руси и ходячий мешок с серебром.

Я поднялся в спальню. Здесь ожидал застать Нерейд, но в помещении было темно и пусто. Странно. Однако опасности не было, и, прикрыв глаза, я сосредоточился, поймал эмоции жены и определил её местонахождение. Нерейд находилась в пристройке для слуг, рядом с ней, помимо беглецов из Ольденбурга, суетился Торарин. Попробовал понять, что происходит, и сделал это без особого труда. У одного из детей, мальчика, сильный жар, а раз так, то Нерейд

наверняка отпаивает ребёнка своими травками. Молодец она у меня все-таки, и за такую женщину я не то что князя в землю утрамбую, но и папу римского, если понадобится.

Вернувшись в обычное состояние, я зажёл яркий масляный светильник и подсел к рабочему столику, который был сделан по моему заказу. Из ящика достал склянку с чернилами, гусиные перья и свёрнутую в рулон карту, которую рисовал для собирающихся в дальний поход варяжских вожаков, Будимира и Авсена Беридраговича. Посмотрел на неё, сделал несколько дополнительных отметок и прикинул путь двух больших лодий, коим предстоит пересечь Атлантический океан. Первая остановка у них будет на Шетландских или Фарерских островах. Затем Исландия, где проживают норвежцы, бежавшие с родины от крестившего своих земляков огнём и мечом короля Олафа Святого. Потом будет Гренландия, где есть несколько поселений викингов, среди которых самое большое – Братталид. А после этого один рывок – и Винланд, где, очень даже может быть, до сих пор как-то существуют потомки Лейва Эрикссона.

Путь венецианским мореходам предстоит опасный и долгий, так что увидим мы их, если вообще увидим, минимум через полтора года после отплытия. И кажется, зачем рисковать и идти за океан, когда на родине забот хватает? Ответ на поверхности. Как ни крути, но враги сильнее нас. Поэтому, как бы храбры и неистовы ни были венецы, всегда будет опасность того, что они потерпят поражение. Значит, возможен вариант исхода из приморских материковых земель, а затем и с Руяна. Это, конечно, самый крайний случай, если ситуация станет безвыходной. Но отбрасывать этот вариант нельзя. В связи с чем Векомир, пока он ещё в силе, отдал приказ искать новые земли и начал с Винланда. Ну и, кроме того, заморские земли – это диковинки, новые товары, возможно, золото, а также растения, которые могут нам пригодиться. Так что дай боги Будимиру и Авсеню удачи и счастливого пути. Я буду ждать их возвращения, а пока всё, что могу, – это нарисовать карту, проложить маршрут, составить список всего, что необходимо поискать и узнать у индейцев, да немного усовершенствовать компас.

Кстати, насчёт компаса. О нём в пределах Венецианского моря уже знают, поскольку этот прибор появился здесь примерно двадцать лет назад. Пока он ещё мало кому интересен, но тот же Будимир Виславит его использует. Правда, это примитив: глубокая чашка с водой, и в ней кусочек пробки, на которой закреплена магнитная стрелка. Однако это всё равно компас, и я его немного модернизировал, по сути, скопировал метод итальянца Джойи. Насадил магнитную стрелку на стальную иглу и под ней соорудил картушку, круг с разбитыми секторами-румбами. Только я сразу поделил этот круг на привычные мне 360 градусов и яркими цветами раскрасил стороны света. Нормальная вещица получилась, хоть Вадим Сокол и не мастер золотые руки. В итоге я остался доволен и, естественно, решил в самое ближайшее время и себе компас смастерить. Благо корабль у меня теперь имеется.

За работой, описанием Винланда, как я себе его представляю, пролетела пара часов. И может, я и дальше писал бы, ведь бумаги много, чернил хватает, а записи я собирался развернуть минимум на тридцать листов, но появилась Нерейд, и мне стало не до того. Я убрал бумагу и карту, подошёл к жене, которая выглядела немного усталой, но чрезвычайно довольной, и спросил её:

– Что там с ребёнком?

Откуда я знаю о больном, супруга не интересовалась, понимала, с кем живёт, поэтому просто прижалась ко мне и ответила:

– Лихоманка. Наверное, в дороге простыл.

– Ты его вылечила?

– Не до конца. Жар сбила и спать уложила. Утром его ещё раз посмотрю.

– Ты у меня молодец. Золотце.

Я вдохнул запах женских волос, которые пропитались ароматами лесных трав, приподнял лицо Нерейд и поцеловал её в губы. Она ответила, и по душе разлилось спокойствие и

умиротворение. Я подхватил жену на руки и понёс на кровать. Впереди была вся ночь, а рядом шикарная женщина, а значит, дела и заботы могли немного подождать.

Глава 5

Дания. Хедебю. 1143 от Р. Х.

Заложив руки за спину, блондинистый крепыш с широкими плечами в дорогом светло-синем камзоле, простых кожаных штанах и высоких тёмно-коричневых сапогах кинул взгляд на человека, которого хотел уничтожить. Звали этого блондина Свен Эстридсен, а посмотрел он на Ассера Рига, посмевшего объявить его убийцей племянника Вальдемара и подвигнувшего датских ярлов начать против него войну. В душе Эстридсена, коему в минувшем году стоило немалого труда отбить яростные нападения соотечественников на свои владения, бушевала буря, его руки сжимались в кулаки настолько сильно, что ногти впивались в кожу.

Однако, как бы Свену ни хотелось отбросить в сторону глупые законы гостеприимства и, кинувшись к Ригу, который посетил его дом в Хедебю, вырвать этому жалкому советнику покойного Кнуда Лаварда сердце, он себя сдерживал. Слишком многое было на кону, а условия примирения, которые предлагал Ассер, выглядели очень заманчиво. Ну и, кроме того, за Рига была готова вступить католическая церковь, а также прибывшие из Европы рыцари-тамплиеры, каждый из которых стоил трёх хирдманов семьи Эстридсен.

Свен вобрал в свои мощные лёгкие воздуха и задержал дыхание. Он немного успокоился и выдохнул. После чего обратился к Ригу, который, покаянно сложив перед собой ладони, стоял перед ним на коленях, и сказал:

– Встать, Ассер Виде.

Не сберёгший своего воспитанника Вальдемара зelandский ярл, отметивший, что Свен обратился к нему по фамилии, а не по прозвищу, поднялся с колен. На лице Ассера не было ни единой эмоции. Он молчал, а Эстридсен потянул время и спросил:

– Итак, во искупление своей ошибки, ты предлагаешь мне королевский трон?

– Да, мой король, – поклонился Ассер.

– Вот как? – Свен приподнял левую бровь. – Ты уже считаешь меня своим королём?

– Да.

– И почему же ты пришёл с этим предложением ко мне, а не к моему троюродному брату Кнуду, который тоже мечтает надеть на своё чело королевский венец? Да и вообще, кто ты таков, Ассер Виде, что раздаёшь королевские титулы?

Ассер ответил без промедления:

– Я простой ярл. Однако за меня встанут все сторонники Кнуда Лаварда. И во многом именно от меня зависит, кого поддержит церковь. Что же касается того, почему я пришёл к тебе, а не к Кнуду, то всё просто. Я виноват перед тобой, Свен Эстридсен, а из двух претендентов на престол, которые могут стать датскими королями после смерти болезненного Эрика Третьего, только ты способен управлять нашей страной.

– А Кнуд разве не способен?

– Он безвольный и слабый, а ты сильный, хитрый и не знаешь страха. Именно такой король нам нужен. Кончилось время нерешительных правителей, и когда умрёт Эрик, здоровье которого всё хуже, я стану твоим самым верным сторонником.

– И ты примешь за меня смерть, если я того потребую?

– Приму.

– И станешь хранить мне верность так же, как хранил её Лаварду?

– Стану.

– Что же, я верю тебе, Ассер Виде, который из-за своей поспешности и глупого поступка потерял право называться Ригом. Однако мне, незаконнорождённому сыну Эрика Второго, очень хорошо известно, что за всё приходится платить. Поэтому я хочу прямо сейчас узнать, что от меня ожидают?

– Церковь, ярлы Лаварда и лично я хотим одного и того же: разгрома безбожных венедов и полного их уничтожения.

– То есть необходимо повторить поход на Руян, который в своё время предпринял мой покойный отец, коего казнили на всеобщем тинге с твоей подачи?

Ассер, нервы которого были натянуты словно струны, вздрогнул. Свен знал, кто был инициатором народных волнений. Откуда, не важно, слухом земля полнится, а Риг и Шарль Понтины никогда особо не скрывали, что это именно они убрали одного короля, а на его место посадили другого. Вопрос такой: не станет ли Свен мстить за батюшку? Тревожные мысли заполнили голову Ассера. Но отступить некуда, а будущий датский король Свен Третий, несмотря на свою природную хитрость и коварство, ценил прямоту. Значит, отвечать следовало прямо, и Виде, решив обойти скользкую тему смерти Эрика Второго, произнёс:

– Да, мой король, необходимо повторить поход на проклятый остров Руян. Однако перед этим придётся разгромить вражеский флот, который подойдёт к нашим берегам.

Свен прищурился и смерил Ассера пристальным колючим взглядом. Он заметил волнение ярла, получил подтверждение своих подозрений и про отца решил ничего не говорить. Вот станет королём, тогда со всеми посчитается, а пока придётся дружить даже с такой мразью, как глава семейства Виде, тем более что есть угроза со стороны старых врагов.

– Венеды собираются на нас напасть? – спросил Свен гостя.

– Да. Весной, во время тинга в Роскилле.

– Это точно?

– Пока они думают так, а как будет дальше, сие мне неизвестно.

– Расскажи обо всём подробнее.

– Как скажешь, мой король. – Ассер понял, что немедленная расправа ему не грозит, и снова смог собраться. – Нам, мне и прибывшим из Франции рыцарям Христа, стало известно, что в наших землях появились шпионы венедов, особенно много их в Зеландии. Они наверняка слышали, что собирается большой тинг, на котором будет объявлено о мире между датскими ярлами. Венеды не могут этого допустить и, скорее всего, постараются ударить по нам. Это случится в дату сбора тинга, в последний день первого весеннего месяца.

– Это чем-то подтверждается?

– Да. Наши купцы и разведчики доносят, что варяги собирают флот, а бодричи фрахтуют купеческие суда. Ясно, что поход будет морской, следовательно, против нас.

– Венеды могут ударить по гетландцам или германцам.

– Нет. Цель врагов – Роскилле.

– Возможно, ты прав. Как мы должны их встретить и какое место я займу в войске, которое должно разгромить венедов?

– Ты будешь нашим вождём, Свен. За чужаком датские ярлы не пойдут. А план, который придуман не мной, а опытными рыцарями-тамплиерами, прост. Все датские дружины, которые направятся в Роскилле, будут готовы к сражению. Поэтому никого заранее предупреждать и готовить не надо. Шпионы венедов ничего не узнают, а мы соберём все наши корабли и выйдем им навстречу, встретим варягов и бодричей в проливе Фемарн-Бельт и всех уничтожим. А затем наш флот атакует Руян, который падёт. Мы сожжём Аркону, и ты станешь по-настоящему великим королём, и имя твоё войдёт в историю.

– До величия ещё очень далеко, – поморщился Свен, – а венеды – бойцы отменные. Хватит ли нам сил, чтобы их победить? Вы уже считали наши корабли и клинки?

– Да, – кивнул Ассер. – К моменту созыва тинга под твою руку встанет сто пятьдесят боевых кораблей и тринадцать тысяч воинов. И это не считая зеландского ополчения, которое будет собрано для охраны порядка на тинге, но может быть использовано для высадки на вражеский берег.

– А что выставят венеды?

– Восемьдесят боевых кораблей, не больше, и три десятка торговых судов. Общая численность мечей во вражеском войске не превысит девять тысяч. Значит, мы будем сильнее.

– Ты уверен в том, что говоришь?

– Более чем, особенно после того, как получил известия от бременского епископа Адальберта. Его шпионы в Волегоще и Волине подтверждают донесения моих людей. В поход собираются только раны и бодричи, а лютичи и поморяне остаются в стороне.

Эстридсен задумался, почесал затылок, подошёл к мутному окну, в которое били снежные заряды бушующей над Хедебю метели, принял решение и позвал Виде:

– Ассер.

– Да, мой король? – Виде приблизился к ярлу.

– Слушай меня и запоминай. Первое, я готов примириться с тобой и простить всё плохое, что ты мне сделал. Второе, не величай меня королём до тех пор, пока я не получу корону. Третье, я стану вождём общего войска данов и дам венедам бой. Четвёртое, пришли ко мне своих разведчиков, которые добывают для тебя сведения. Ну и пятое, я хочу пообщаться с теми рыцарями, которые придумали план по перехвату венедов. Мне есть что им сказать, поскольку для морского сражения лучше всего подойдёт пролив Большой Бельт. Ты меня понял?

– Понял.

– Тогда свободен. Придёшь завтра, ещё поговорим. Ступай.

Ассер Риг резко развернулся и направился к выходу. У дверей он накиннул на себя тяжёлую шубу и, под пристальными злыми взглядами гвардейцев семьи Эстридсен покинув дом Свена, оказался на улице. Большой торговый город утопал под снегом, а метель, которая началась два дня назад, не прекращалась ни на миг. И если бы хитрый Виде был один, ему пешком пришлось бы добираться в монастырь цистерцианцев, где его приютили. Но его ждали. Перед ним остановился закрытый возок на полозьях, который тянула пара невысоких лошадок, и Ассер без промедления забрался внутрь.

Возок тронулся. Виде, привыкая к полутьме, моргнул и увидел перед собой Шарля Понтины.

– Как прошла встреча? – спросил тот.

– Неплохо. Пару раз я думал, что Свен убьёт меня, но всё обошлось, и отныне он на нашей стороне.

– Слава Богу! – выдохнул цистерцианец и перекрестился.

– Слава! – вторил ему Ассер и повторил движение своего друга.

– Свен что-нибудь потребовал от тебя? – продолжил расспрашивать Ассера франк.

– Пока пару мелочей. Он хочет встретиться с моими лазутчиками, которые принесли вести из венедских земель, и пообщаться с рыцарями.

– Это можно устроить, – согласился Шарль. – Но только завтра.

– Почему, ведь день в самом разгаре? – удивился Ассер.

– Сегодня рыцари хотят захватить венедских агентов, которые находятся в городе, а разведчики им помогают.

– Интересно. – Виде потёр ладони рук. – Надо бы и мне с рыцарями сходить. Вдруг попадётся кто-то из тех мерзавцев, кто моего сына и Вальдемара убил. Опять же мои воины лишними не будут.

– Это надо Тибо спрашивать. Я тамплиерами не командую. Они всегда сами по себе.

– Хорошо, спрошу Тибо, – кивнул Ассер и поинтересовался: – Ты не знаешь, как они венедов нашли?

– С помощью Святого Духа, – ответил цистерцианец.

Ассер Риг был человеком весьма набожным, и он видел сотворённое Бернаром Клервоским чудо. Однако в помощь Святого Духа всё же не поверил и подумал, что Шарль не желает выдавать ему церковные секреты. Поэтому разговор решил не продолжать и до самого святилища цистерцианцев хранил молчание.

Возок остановился перед окружённой несколькими жилыми бараками деревянной церковью недалеко от центра города. Шарль и Ассер покинули его и тут же вошли в храм. Они успели вовремя, так как рыцари, три десятка крепких мужчин, прибывших вместе с ними из Франции, уже готовились к выступлению. Лица этих суровых воинов Христовых были сосредоточены. Рыцари расположились по пять человек в ряд перед алтарём, их белые плащи с красными крестами в пустой полутёмной церквушке сразу бросались в глаза. Командир крестоносцев, Тибо Креон, высокий сухопарый брюнет лет сорока, выходец из знатного семейства и дальний родственник одного из главных тамплиеров Роберта Креона, кинувший мирскую жизнь и семью ради служения Господу, стоял перед ними на возвышении. В его правой руке, которую он вскинул вверх, находился тяжёлый меч, крестообразная рукоять коего смотрела вверх. И он воодушевлял рыцарей перед боем, который для каждого из них мог окончиться гибелью. Ассер вслушался в его слова.

– Братья! – воскликнул Тибо. – Все вы знаете, что мир жесток. Всё меньше в нём чести, правды, справедливости, милосердия и искренности. Дьявол искушает созданий Господа, и кругом ложь, гнев, вероломство, смятение и боязнь людей познать Его. Видя это, папа римский Григорий Седьмой предложил всем, кто был отягощён злом и грехами, искупить свою вину перед Богом. Он призвал мирян отправиться в Святую землю и освободить Иерусалим. Наверняка вы помните его слова, но я произнесу их ещё раз: «Пусть же выступят против неверных все, кто злонамеренно привык вести частную войну даже против единоверцев и расточать обильную добычу. Да станут отныне воинами Христовыми все, кто раньше были грабителями. Пусть справедливо бьются теперь против варваров все, кто в былые времена сражался против братьев и сородичей. Ныне пусть получают вечную награду все, кто прежде за малую мзду были наёмниками. Пусть увенчает двойная честь всех, кто не щадил себя в ущерб своей плоти и душе. И пусть все, кто здесь горестны и бедны, там будут радостны и богаты, ибо здесь они враги Господа, а там станут Его друзьями».

Тамплиеры молчали. Креон оглядел их, ни в ком не заметил слабости и продолжил:

– Конечно, многие из вас, прежде грешники, а ныне воины Христовы, спрашивают себя: что мы делаем здесь, на севере Европы, когда должны охранять Масличную гору, Вифлеем, Назарет, реку Иордан, Голгофу и Гроб Господень? Я знаю это, братья мои во Христе, ибо мало чем отличаюсь от вас. Но те же самые вопросы задают друг другу братья ордены в Арагоне, которые бьются против мавров. А ответ прост. Мы там, где вера Христова в опасности, и то, что нам предстоит делать здесь, будет делаться во благо церкви и с именем Господа на устах. И будьте уверены, что всё это нам зачтётся. Ибо прав Бернар Клервоский, когда говорит, что смерть за веру – это встреча с Богом, который простит павшему за Него все прегрешения и дарует ему спасение. Так с Богом же, братья! Одолеем языческих колдунов! Святой Дух с нами! Вперёд!

Меч Тибо ещё выше взметнулся вверх, и рыцари поддержали его дружным выкриком:

– Вперёд!!! С Богом!!!

Под звяканье кольчуг и латных доспехов, которые были скрыты орденскими плащами, храмовники стали покидать церковь. Тибо двинулся за ними, и тут его перехватил Ассер, обратившись к нему с просьбой:

– Брат Тибо, мне бы хотелось отправиться на захват шпионов вместе с вами.

– Я не против, – на ходу бросил рыцарь.

Виде поморщился, слишком грубым и безразличным показался ему ответ Креона. Однако промолчал и вскоре присоединился к рыцарям, которые вместе с парой монахов-цистерцианцев, коих в городе очень уважали, и королевским чиновником двинулись в западную часть Хедебю.

Храмовники шли по пустынным заснеженным улицам, упрямо пробиваясь через метель. Ассер стал быстро уставать, но, к счастью, идти было недалеко. Воины Христовы остановились вблизи большого постоянного двора, где, как узнал ярл, под личиной мелких торговцев из провинции проживала тройка вражеских шпионов. Здесь Тибо принял доклад шпионов, сообщивших, что венеды на месте. Храмовники быстро распределили обязанности, кому что делать, и вошли во двор. Часть франков занялась конюшнями, амбарами и чёрным ходом, а полтора десятка, ровно половина, стали вливаться внутрь двухэтажного бревенчатого здания.

На первом этаже, как и положено, находился большой обеденный зал, который был заполнен людьми. Горожане и гости в недоумении смотрели на обнаживших оружие рыцарей в белых плащах с крестами, но остановить их никто не попытался, больно грозно они выглядели. Самые умные, бросив трапезу, стали покидать помещение, выскакивая на улицу, где их встречали рыцари и шпионы. А кто был пьян или глуп, остался на месте и с интересом, предвкушая бесплатное развлечение, стал наблюдать за действиями орденцев.

Рыцари тем временем, осмотревшись, начали подниматься на второй этаж, и вот тут их встретил первый венец. По лестнице, сбив с ног двух воинов, скатился один из шпионов, с виду самый обычный дан, средних лет светловолосый горожанин в потёртом кафтане и шерстяных штанах, а по манерам воин не из последних. Рыцари сразу окружили венеда, набросились на него, но тот, что-то выкрикивая, вынул из-под одежды два длинных кинжала и кинулся в бой. В один миг он оказался среди храмовников, и его клинки замелькали, подобно косам смерти. Взмах стальной полоски – и один из рыцарей, получив тяжкое ранение в горло, отскакивает назад. Стремительный выпад – и кинжал славянина попадает в глаз второму воину Христову. Перекат – и он уходит в угол. Храмовники зажимают его, а он, метнув один из клинков в горло франка, который замертво упал на пол, воскликнул: «Святовид, иду к тебе!» – после чего вонзил второй клинок себе в сердце.

Всё это произошло очень быстро, и Ассер Виде, наблюдавший за схваткой, не мог не восхититься храбростью и твёрдой рукой венеда, который понимал, что плен не для него. К этому моменту большинство посетителей, как и служанки, и хозяин заведения, покинули зал. Оставшиеся храмовники, потерявшие в короткой стычке с одиночкой двух братьев, кинулись наверх. Ассер двинулся за ними. В общем-то зря, потому что венеды на втором этаже не остались, а через узкий лаз на крыше попытались выбраться во двор и сбежать. Только это у них не получилось, поскольку внизу их уже ждали, и они вступили в свой последний бой.

Виде выскочил наружу и застал окончание драки. Один из венецов, пожилой усатый мужчина, уже был мёртв, рядом с ним, на окровавленном снегу лежал труп храмовника. Второй славянский шпион, совсем ещё молодой парень, озираясь, стоял в центре двора, сжимая в руке короткий клинок, которым он крепко попятнал парочку крестоносцев. Судя по взгляду венеда, сдаваться он не собирался. Тибо Креон выкрикнул:

– Живём его брать!

Орденцы стали сжимать кольцо, и парень, понимая, что сейчас его сомнут, начал разворачивать остриё клинка к своей груди. Однако храмовники были быстрее. Здоровяк Гуго Виенн, который, как ни странно, обладал отменной реакцией и живым умом, схватил в руки деревянный чурбак, на котором кололи дрова, и метнул его в спину шпиона. Просвистев, кусок дерева ударил венеда в спину, и тот упал лицом в снег. Воины Христовы связали парня, заткнули ему рот кляпом, чтобы он не откусил себе язык, и поволокли в свою временную казарму.

К Ассеру, который так и не обнажил меч, подошёл Тибо Креон.

- Ты кого-нибудь узнал, ярл?
- Нет. Тех людей, которые напали на мой дом, я не увидел.
- Ага. Понятно.

Креон пошёл вслед за своими людьми, а Ассер, который чувствовал себя старой развалиной, дождался появления хирдманов, приказал забрать тела мёртвых венедов и, уладив дело с представителем городской стражи, посетившим место происшествия, во главе дружины вернулся в святилище Господа. В беготне по улицам города прошло больше трёх часов, и наконец Ассер снова оказался в тепле. Он пришёл в свою келью, находившуюся в бараке рядом с храмом. Здесь он хотел спокойно полежать и подумать над событиями дня, подходившему к своему завершению, но тут к нему зашли гости. Всё тот же Тибо Креон, под глазами которого виднелись тёмные круги, коих не было всего пару часов назад, и Шарль Понтины.

- Присаживайтесь. – Ассер Виде указал гостям на широкую лавку у стены.

Однако Понтины отрицательно покачал головой:

- Нет. Мы сейчас уйдём, а к тебе зашли задать пару вопросов.
- Я готов, – пожал плечами датчанин.

Тибо и Шарль переглянулись, и цистерцианец спросил:

- Ты когда-нибудь слышал о человеке, которого зовут Вадим Сокол из Арконы?
- Нет. Кто это?

– Он один из наших противников, вроде ведун. Кто таков и откуда, неизвестно, но взлетел стремительно и сейчас считается одним из советников верховного жреца Векомира. Может, он посланец византийского патриарха, который не желает нашего усиления на севере. Может, злой колдун, который подчиняет себе волхвов, или ересиарх из секты катаров. А может, подставная фигура, за которой прячется кто-то более серьёзный. В общем, человек странный и опасный, а значит, должен умереть. Однако не сразу, а после серьёзного разговора с нами.

- О нём венед сообщил?
- Он самый.
- А больше пленник ничего не сказал?

– Нет. К сожалению, он умер. Не выдержал общения со Святым Духом. – Шарль кинул досадливый взгляд на Тибо. Рыцарь лишь поморщился, а монах продолжил: – Ассер, нам опять нужна твоя помощь.

- Какая?

– Необходимо послать на Руян самых лучших разведчиков, которые должны найти этого Вадима Сокола и выяснить о нём всё, что возможно.

- А что потом?
- Ничего. Потом им займутся более опытные шпионы и рыцари Христовы.
- Хорошо, – кивнул Ассер. – Когда людей отправлять?

– При первой же возможности. Однако они не должны привлечь к себе внимание, иначе мы можем спугнуть крупного зверя.

Глава 6

Пролив Большой Белый. 6651 от С. М. 3. X.

Впереди паруса! Много! Это даны! – разнёсся над морем голос вперёдсмотрящего, и следом такие же выкрики прозвучали на кораблях, которые шли слева и справа от моего «Яровита».

«Вот и всё, – подумал я, – теперь хоть сомневайся, хоть нет, а придётся драться».

Руки на автомате достали из-под ближайшего рума тяжёлый рюкзак. На чистый кусочек палубы я вытряхнул броню и оружие. Стал облачаться для боя и настраиваться на тяжёлое сражение.

Итак, битва всё же состоится. Позади остались доклады наших витязей, которых преданные Бернару Клервоскому тамплиеры выдавливали из Ютланда, подготовка и слаживание экипажа, учебные выходы в море и стрельбы из арбалета, советы ОБК, сборы, прощания и слёзы жены. Мы готовились к походу на викингов, а они готовились нас встретить.

Мы знали, что они знают о наших намерениях. Однако даны, во главе которых встал ярл Свен Эстридсен, в моей прежней реальности разбитый и убитый своим племянником Вальдемаром, совершили принципиальную ошибку. Они считали, что против них выступят всего два славянских племени. Но в наступление шли воины четырёх венедских племён, а не только раны и бодричи. А помимо венедов в нашем флоте были шведы короля Хунди Первого по прозвищу Фремсинет, который привёл пять больших драккаров с шестью сотнями лучших воинов, а также откликнувшиеся на зов волхвов Святовида пруссы. Итого в общей сложности сто пятьдесят пять боевых кораблей: лодий, драккаров и шнеккеров, на борту которых двенадцать с половиной тысяч воинов. И это только первая волна, которая схлестнётся с вражеским флотом, а за ней идёт вторая, больше сотни прусских дуб асов, небольших корабликов, везущих три с лишним тысячи воинственных поклонников бога Перкуно. А далее, в арьергарде наших сил, семьдесят больших торговых судов с конницей бодричей и пехотой лютичей, которые не будут вступать в морское сражение, они сразу начнут высадку на берег. Это сила! Это мощь! Так что вешайтесь, даны! Ваша смерть пришла! Правда, при любом раскладе битва не будет лёгкой, ибо викинги – воины сильные. Но мы их всё же поломаем, и это факт.

Последний ремень был затянут. Войлочная поддёвка под кольчугой как влитая. На поясе – пара кинжалов и меч. Шлем сидит отлично, латные перчатки на руках, круглый щит лежит у борта. Всё в порядке, хотя есть у меня опаска, что если упаду за борт, то пойду на дно, поскольку оружие и броня весят больше двадцати килограмм. Однако погибнуть и на суше можно. Шёл-шёл по дороге, упал, ударился о камень головой и помер. Вот и всё развитие жизненного сюжета. Сплошной рояль в кустах. Так что о плохом думать не надо. На крайний случай постараюсь за что-то зацепиться или скинуть броню, а до берега не так уж и далеко. Пролив Большой Белый, где нам предстоит биться с викингами, конечно, широкий. Однако береговая черта видна. Слева – северная оконечность острова Лангеланн, а справа – Зеландия, так что доплыть можно. Правда, вода холодная и больше чем двадцать – тридцать минут на поверхности не удержаться, но это ничего. Когда мы победим, утопающих подберут, а вариант, при котором нас разобьют, даже не рассматривается. Другое дело, что потери могут быть существенными, но война без них не обходится, тут уж кому как повезёт.

Я прошёл на нос «Яровита», опёрся на резную фигуру моего бога и посмотрел на приближающихся врагов. Всё пространство впереди, от берега до берега усеяно тёмными силуэтами драккаров и шнеккеров. Полосатые паруса спускаются, и понятно почему. Ветер дует нам в

корму, ибо волхвы собрались с силами, напряглись, немного помудрили с погодой, попросили мать-природу о помощи – и результат налицо. От самого Руяна, а затем от Дубина ветер у нас попутный. В результате скорость венедских кораблей больше, а в морском сражении, особенно в самом его начале, это имеет огромное значение, ибо сказывается на силе удара и манёвренности судна.

Прикрыв глаза, я попробовал прощупать наших противников и вытянул вперёд раскрытую ладонь, которую тут же отдернул, слишком много злости и ненависти катилось нам навстречу. Сплошной чёрный вал из негатива и злобы. Ничего другого не почувствовал. Да и ладно, не очень-то и хотелось.

Обернувшись, я посмотрел на варягов из экипажа «Яровита». Воины сосредоточены, занимаются чем и положено. Помимо паруса мы использовали ещё вёсла, но сейчас ход немного сбавили. Половина бойцов гребёт, а другая готовится к бою, надевает броню и заряжает арбалеты, всю сотню, какая у нас есть. Потом мореходы поменяются, а немного позже, когда мы сблизимся с данами на расстояние дальнего выстрела, будет спущен парус и начнётся кровавая работа.

Минуты текут очень медленно. Дистанция между двумя флотами сокращается и, обгоняя нас, на остриё удара выдвигаются большие корабли, которые первыми вступят в бой. Мы же будем с левого фланга. Драка начнётся, корабли сцепятся, завяжется хаотичный бой, которым никто не сможет управлять, и после этого появится наш резерв, прусские и шведские союзники, которые ударят по данам с правого фланга. Да, именно так всё и будет, и за счёт этого мы победим.

Снова я смотрю на вражеские корабли. Ранко Самород, капитан «Яровита», уже в броне и отдаёт команды. С шумом падает парус. Пару раз он громко хлопает, его придавливают к палубе, затем быстро скатывают и убирают в специальный рундук. Дистанция между нами и данами уже меньше трёхсот метров. Рядом останавливается Самород. Его шлем с лицевой маской смотрит на меня, но он молчит. А чего говорить? Всё давным-давно оговорено, и не по одному разу. Мы рассмотрели множество сценариев предстоящего боя и провели тренировки. Команда у нас отличная. К битве всё готово, выходит, балакать не о чем. В душе Саморода чувствуется лёгкий мандраж, однако страха нет. Среди варягов то же самое, волнение и ожидание схватки, у кого-то больше, у кого-то меньше. Никто не кричит и пока ещё не стонет, а потому в ушах лишь бряцание металла, плеск волн и крики чаек в синеве небес.

Противник всё ближе. Расстояние до передового вражеского корабля сокращается до сотни метров, а затем до пятидесяти. Центры двух флотов, примерно в километре от нас, уже столкнулись, и там идёт битва, а перед нами шнеккер, который заметно меньше «Яровита». Уже видны стоящие у носовой фигуры, оскалившейся хищной птицы, вражеские воины, которые одеты убого, в древние доспехи и кожу, а оружие у них – сплошь топоры и секиры, да и сам кораблик неухоженный.

– Добро, – кивая в сторону данов, обращаюсь я к Самороду. – Первый вражина слабенький.

– Не скажи, Вадим, – парирует Ранко. – Это нищие викинги, которые мечтают о добыче. Значит, драться они станут как берсерки, а взять с них нечего. Лучше нам с ними не сцепляться, а оставить тем, кто следом идёт.

– Ты человек опытный и в морских схватках соображаешь побольше моего, поэтому тебе боем и руководить.

Я делаю пару шагов назад и беру уже снаряжённый арбалет. Самород поднимает руку. С левого борта убираются вёсла, а кормчий с помощью одного варяга перекладывает кормило. «Яровит» даёт резкий крен, сблизается с первым противником, разворачивается, ломает чужие вёсла и, отталкивая вражеский шнеккер в сторону, вскользь бьёт его в борт. Скорость у нас больше, и масса судна в полтора раза выше вражеской, так что результат был легко предска-

зуем. Мы слышим громкий треск досок, и кораблик датчан буквально отлетает от нас. Викингам уже не до атаки, им бы устойчивость судна восстановить. И в этот момент приходит черёд стрелков.

Приподнявшись над бортом, я увидел, что датский шнеккер, словно лохань, переваливается на воде, и на краткий миг мне становится видна вся его палуба. Датчане бегают и суетятся. Между румами видны покалеченные разбитыми вёслами воины, а подле мачты, держась за неё левой рукой, что-то выкрикивает ярл, которого можно опознать по отличной броне и по украшенным блестящими камушками ножнам меча.

«Богатое оружие, только вождь бедный, – мелькнула в голове мысль и, отпуская в полёт арбалетный болт, который устремился в голову дана, я добавил: – Прощай, не судьба тебе стать состоятельным за мой счёт».

Попал болт или нет, я не видел, поскольку сразу присел, а борт раскачивающегося вражеского шнеккера скрыл от меня его палубу. Однако в том, что ярл погиб, сомнений не было. Слишком много стрелков одновременно дали залп, не меньше тридцати, и я не один такой глазастый, что разглядел вражеского командира.

Скорость «Яровита» тем временем заметно упала. Вновь в воду опустили вёсла. Варяги погнали наш корабль дальше, но движение было недолгим, поскольку за первым чужим шнеккером нарисовался второй, не меньше нашего и с хорошим экипажем. Даны, как только увидели нас, попытались обстрелять из луков. Но варяги и викинги, как известно, стрелки не очень хорошие, потому что стрельба из лука и гребля большим веслом сочетаются плохо, а специальную команду снайперов на борту держать весьма накладно. Поэтому я и внедряю самострелы, их освоить проще, а пробивная способность у арбалетного болта выше, чем у обычных боевых луков, которые распространены в районе Венедского моря. Правда, при качке прицелиться сложно, но если потренироваться, а у нашего экипажа времечко в запасе имелось, результат выходит неплохой, в среднем половина выстрелов в цель. Вражеских же лучников, которые пустили в нас стрелы, опасаться не стоило.

Фью-ить! – над моей головой пролетела стрела и вонзилась в борт.

Арбалет снова был готов к бою. Расстояние между кораблями сокращалось, и я отдал команду:

– Бей!

На носу шнеккера особо не развернёшься, места мало. Поэтому выстрелило всего шесть человек. Но почти каждый болт ударил во вражеское тело, слишком любят даны стоять вдоль борта и размахивать оружием. Два или три викинга повалились на своих товарищей. Одновременно с этим «Яровит» начал новый разворот. Удар! Столкновение. Треск лопнувших бортовых досок. И на чужое судно летят болты и abordажные крючья. В ярости даны орут, но криков «Один!» не слышно. Викинги забывают про Отца дружин, поэтому мы слышим только какие-то отдельные нестройные выкрики.

Щёлк! Щёлк! – без остановки один за другим в гущу врагов летят короткие арбалетные стрелы. Самострелы разряжаются, и с рёвом «Яровит!» бронированная масса варягов, ошетилившись острой сталью, влетает на борт чужого шнеккера. Вот только после плотного обстрела сражаться особо не с кем, ибо сотня болтов, которые почти все выпущены в упор, сделали своё дело. Треть вражеской команды на палубу уронили. Считай, каждый пятый болт в цель. А остальные датские воины растерялись, и варяги, которые действовали чётко и дружно, просто разметали их, и бой быстро превратился в резню.

Схватка закончилась за полчаса. Пустой вражеский корабль, который не было никакой возможности забрать с собой, похватав с него всё, что могло стоить приличных денег, бросили. Однако перед этим у мачты на чистом куске палубы нарисовали Рарога в пламени, силуэт сокола, мой герб, который был свидетельством того, что данное судно захвачено дружиной Вадима Сокола.

Мы отвалили от борта шнеккера и огляделись. Битва шла по всему Большому Бельту. Корабли сцепились по два – по три, а кое-где мешанина из десятков судов, которые образовывали плавающие острова. Ветер стих. Весеннее солнце прямо над головой. Где-то дальше по проливу виден пожар. Немного левее шедшие за нами следом лоды из Волина взяли на абордаж длинный драккар, на борту которого кипит сеча. Позади, километрах в пяти-шести, виднеются силуэты идущих к Зеландии транспортов. Где-то справа мелькнули над водой узкие и еле заметные тени, наверняка дубасы пруссов, а за ними – величественные и грозные королевские драккары Хунди Первого.

Среди всей этой мешанины Самороду требовалось выбрать следующую цель, и он её разглядел. Невдалеке от нас, буквально в четырёхстах – пятистах метрах, две большие варяжские лоды схватились с четырьмя вражескими кораблями, тремя шнеккерами и одним драккаром. Браточков надо выручать, и мы не медлили. Вёсла стали загребать водную массу. Кормило поворачивало «Яровита» к месту боя, а все, кто был свободен и не ранен, заряжали арбалеты.

Спустя десять минут мы борт о борт притёрлись к кораблю датчан. На палубе вражеского драккара почти никого не было, всего несколько человек. Они попытались нас задержать, но куда там! Бронированная полусотня варягов просто растоптала их.

Арбалеты наизготовку. Команды не нужны. Люди чувствуют локоть товарища, всё делается практически синхронно. Перед нами викинги. Самострелы бьют в упор. Болты пробивают латы из кожи, кольчуги и панцири. Острое калёное железо впивается в тела врагов, кромсает их мясо, режет вены, и алая кровь льётся на палубу.

Первый ряд викингов выбит. Мой арбалет опускается на палубу, и ногой я отпихиваю его к борту. Змиулан покидает ножны, и я, мысленно посетовав на то, что оставил щит на шнеккере, кидаюсь вперёд. Вместе со мной варяги, и, всё больше погружаясь в пучину боевого безумия, я выкрикиваю:

- Яровит! Прими жизни врагов!
- Убивай!!! – вторит кто-то слева.
- Режь!!! – это справа.

А позади один сплошной злой свирепый рёв, от которого в жилах данов должна стынуть кровь:

- А-а-а-а!!! Руян!!!

Я метнулся. Прыжок. Тело в броне ударило в массу врагов, и они подались назад. За мной последовали другие воины экипажа. Сильный и резкий толчок левым плечом – и противник передо мной отступает, а я чётким горизонтальным ударом бью его в голову. Острая сталь Змиулана кроит круглый шлем и застревает в костях черепа. Рывок на себя. Отчётливо слышен хруст, и снова я готов к бою. Вокруг крики, стоны, всхлипы и даже какое-то рычание. Железо бьётся о железо. Битва! И все реакции тела ускоряются. Левая рука выхватывает с пояса кинжал и втыкает его в горло бородатого датчанина. Он валится под ноги, и я становлюсь прямо на него. Тело под подошвой ботинок, которые специально, как и одежда, пошиты по моему заказу в Арконе, вздрагивает и слегка дёргается. Однако меня это не смущает. Ярость и злоба, справедливый гнев на разорителей и давних недругов моего племени, которое стало для меня родным, переполняют душу, и я продолжаю бой.

Передо мной боец в добром доспехе, шлеме-шишаке и с круглым щитом в левой руке. В правой – топор, готовый опуститься на мою бедовую головушку, но я быстрее. Взмах клинка – и Змиулан рубит ему кисть, которая вместе с дубовым топорищем отлетает в сторону и бьёт по спине кого-то из викингов. Прямой удар ногой в щит – и противник, который до сих пор не понял, что лишился руки, валится назад. Шаг на него – и остриё клинка, пробивая доспех, вонзается в живот дана и проворачивается в нём. На губах врага кровавая пена, он что-то выкрикивает, но от шока теряет сознание, и я его добиваю.

- Берегись! – слышу окрик кого-то из варягов и пригибаюсь.

Над головой, лишь слегка задев шлем, пролетает метательный топорик. Поднимаюсь, кидаю взгляд в сторону опасности и вижу мощного рыжебородого воина без головного убора. Он космат и грязен, крепкое тело в одной окровавленной рубахе излучает силу и природную мощь. Подхватив меч кого-то из мёртвых, он, расталкивая своих и чужих, бросается на меня. Я иду навстречу и, когда он заносит клинок, который, если судить по богатырскому замаху, должен меня располовинить, прыгаю на него, сверху вниз вонзаю Змиулана в горло дана.

Бух-х! Тело рыжебородого соприкасается с покрытой кровью палубой, а я падаю сверху. Промедление подобно смерти, и я сразу же откатываюсь в сторону. Меч в руках плюс один кинжал на поясе, и я нахожусь у борта. Рывком встал и быстро огляделся. Даны не выдержали нашего яростного напора. Под ногами стон. Думаю, что это кто-то из вражеских недобитков, и приподнимаю меч. Но нет, это наш, венед, русоволосый дядька лет сорока пяти, в богатом панцире, густо украшенном насечками из серебра. Кто он такой, не знаю. Однако меня он, похоже, где-то видел, может, на военных советах, потому что его обессилевшая правая рука в латной перчатке упала на мой ботинок, и он прохрипел:

– Благодарю, ведун... Выручил... Сочтёмся...

– Выживешь, тогда и поблагодаришь, – ответил я.

Кивнув кому-то из воинов, мол, позаботься о раненом, я вновь кинулся на данов.

На отбитой нами лодье никого не было. Мы перебрались на вражеский шнеккер, затем пересекли ещё один и влетели в очередную свалку. Даны, которых мы сбили, получили подкрепление и упёрлись, а за их спинами наши добивали варягов, десятка два которых встали насмерть в районе кормы. В общем, слоёный пирог какой-то. А тут ещё в схватку добавился дополнительный вражеский драккар, с которого на нас посыпались элитные бойцы в отличных однотипных доспехах. А с другой стороны к борту прижались сразу три прусских дубаса, откуда нам в помощь десантировались косматые и лютые лесовики.

– Перкуно-о!!!¹ – разнеслось над сцепившимися кораблями, которые течение пролива медленно тянуло к берегу.

– Nobiscum Deus!!!² – откликнулись некоторые вражеские бойцы из свежего подкрепления, и я увидел мелькнувшие среди них белые плащи с красными крестами, немного, всего пару, но чтобы понять, кто против нас, этого хватило.

«О-о! – мысленно воскликнул я. – Вот и тамплиеры пожаловали. Знатная драка будет. Но похоже, попал ты, Вадим, ногами в жир. Теперь только держись».

Мысль промелькнула и исчезла. Я снова кинулся в бой.

На палубах кораблей воцарился дикий хаос, где всё смешалось. Кто, где и чей, непонятно. Просто руби всякого, кто не похож на варяга или прусса, и старайся не упасть на скользких от крови и слизи досках, а иначе добьют или затопчут. Звон металла, шум ударов и боевые кличи. Всё это сотрясало воздух. Вокруг кипела злая безумная сеча, и, чтобы выжить, я рубился словно бешеный. Мой булатный клинок кроил черепа, вонзался в тела врагов и отрубал им конечности. Каждый, кто оказывался на пути и пытался меня убить, умирал сам. Кровь врагов попадала на лицо, смешивалась с солёным потом и застывала на нём тёмно-бурыми пятнами. Безумство боя захватило без остатка.

Неожиданно передо мной возник рослый темноволосый боец в отличной кавалерийской кольчуге с толстыми треугольными наплечниками. Его лицо было скрыто глухим рыцарским шлемом с широкой крестообразной прорезью для глаз, в руках он держал превосходный прямой клинок длиной не менее метра. Размен базовыми диагональными ударами – и мы отступили. На мгновение замерли, оценили противника и вновь схлестнулись. На второй большой лодье, куда меня вынесла битва, шла ожесточённая резня, а у нас был свой поединок.

¹ Боевой клич пруссов-язычников.

² Бог с нами! (лат.)

Дзанг! Дзанг!

Мечи сталкиваются и бьются.

Дзанг! Дзанг!

И снова ничья. Раз за разом мы сходимся и отскакиваем. Над нами пролетают стрелы, копья, топоры и сулицы. Льётся кровь, но нам не до общего боя. Мой противник, опытный боец с хорошей реакцией, снова останавливается. Я тоже не тороплюсь. Мы смотрим в глаза один другому, и тут враг начинает что-то шептать. Это молитва, и не простая, потому что рукоять Змиулана сразу стала нагреваться. Гада необходимо заткнуть, пока от него беда не прилетела! И я перешёл в атаку.

Взмах! Клинок свистит, стремительно несётся в голову тамплиера, наверняка это пёс ордена, но вновь сталкивается с мечом рыцаря. Ответный выпад со стороны врага, и я пригибаюсь. Сталь проходит над плечом, и тогда я делаю то, чему меня некогда научил Сивер. Левая рука в кольчужной перчатке взметнулась вверх и крепко сомкнулась на клинке противника. Мой враг, как и положено, тянет меч на себя, а я, используя его силу, по инерции следую за клинком и резко поднимаюсь. Рыцарь, глаза которого я вижу, смотрит на меня. В его взгляде недоумение и непонимание. На краткий миг он смешался, а мне этого и надо. Правая рука метнулась вперёд, и остриё Змиулана погрузилось в тело тамплиера. Рыцарь стонет, а затем хрипит и падает.

Над моим плечом проносится сразу несколько сулиц, и снова над плавучим островом разносится слитный и единодушный клич:

– Перкуно-о!!!

Оборачиваюсь и вижу, что на меня несётся прусс, светловолосый малый, не старше двадцати лет, в кожаной броне и с рогатиной в руках. Наконечник его оружия нацелен мне прямо в живот, и я подумал: как глупо устроена жизнь! Отскочить не успеваю, значит, погибну от руки союзника. Однако мне повезло. Рядом с молодым прусским бойцом были люди поопытнее, и они попросту оттолкнули его в сторону. По моим губам пробежала улыбка – меня не убили. И, разглядывая идущих на штурм последнего вражеского корабля прибывших с берегов Немана и Вистулы лесовиков, я понял, что лично для меня бой окончен.

Как-то мгновенно навалилась усталость, видимо, сказывалось перенапряжение, и я, с трудом перебираясь с одного судна на другое, добрался до «Яровита». В левой перчатке сырость. Я получил ранение, и ничего не хотелось – устал.

Наши варяги понемногу сходились на корабль. На одном из румов правого борта сидел Самород, которому кто-то из воинов перевязывал левую руку. Капитан был в крови и грязи, да и я не лучше. Присев рядом с Ранко, я оглядел пролив. Кругом только венецианские, прусские и шведские суда, а корабли данов стали трофеями или драпают в сторону Ютландии. Противник разбит, но потери есть. Повернувшись к капитану, я спросил:

– Сколько людей мы потеряли?

– Не знаю. – Варяг качнул чубатой головой, помолчал и добавил: – Треть ватаги точно полегла, особенно когда последний корабль данов подошёл, слишком там бойцы были отменные.

– Это да, – согласился я. – Надо пруссов попросить, пусть нам парочку пленных передадут, будет интересно их расспросить, кто такие и откуда.

– Хорошо, скажу союзникам, если они всех не перебьют.

– Не должны.

Я улыбнулся. Варяг это увидел. Вставая и морщась от боли, он спросил:

– Ты чего?

– Победа пьянит.

– А-а, тогда понятно. – Самород глубоко вздохнул. – Кстати, арбалеты твои – вещь знатная. Надо всем нашим варягам их предложить.

– Не вижу препятствий, – отозвался я. – Скажи воинам, чтобы похвастались успехом, а там всё само пойдёт. Хороший пример есть, а коли так, варяги арбалетами живо обзаведутся.

Самород отправился собирать наш экипаж, а я, взяв с рума чистое полотно и смесь из мха и паутины, перевязал себя, посмотрел на забрызганного чужой кровью Немого, который во время битвы постоянно был неподалёку, и опять оглядел море. Глаза скользили по водной глади, а пытливый ум уже начал прикидывать, сколько трофейных кораблей мне причитается. Один точно, если он не утоп или его даны не угнали, но два было бы лучше, с этим не поспоришь. Впрочем, до момента раздела добычи и трофеев ещё необходимо дожить. Вот возьмём Роскилле, тогда и разберёмся, кому, чего и сколько.

Глава 7

Зеландия. 6651 от С. М. З. Х.

После морского сражения отдыха не было, поскольку «Яровит» сразу же пошёл на перехват взятого нами на abordаж шнекера, который течением относило к находящемуся напротив Зеландии острову Фюн. Слава всем пресветлым богам, корабль далеко не уплыл, и, перебросив на него два десятка варягов, мы направились к месту стоянки нашего флота. По пути выловили из воды парочку еле живых варягов из Ругарда, которые оказались на диво крепкими мужиками и не умерли от переохлаждения, и несколько наших мертвецов, коих следовало возложить на погребальный костёр.

Пока крутились по Большому Бельту, стало смеркаться. Так что на песчаный пляж невдалеке от городка Корсер высадились уже в темноте. Вдоль всего берега, насколько хватало взгляда, теснились корабли, а на холмах горели сотни огней. Тысячи людей перевязывали раны, восстанавливали силы и готовились к захвату Зеландии, который уже начался с выдвижения конной группировки княжичей Прибыслава и Вартислава, сыновей Никлота, в глубь острова.

Мои шнекеры встали один подле другого. На каждом осталось по несколько варягов, остальные же мореходы спустились на сушу. Мертвецов отнесли на разбитые военные корабли, которые будут сожжены вместе с телами. Тяжелораненых, которых в нашем экипаже оказалось семь человек, уложили в одном месте и вызвали к ним волхва-целителя. А мы с Самородом, обсуждая минувший день, расположились немного в стороне.

От смолистых сучьев, которые пожирало жадное пламя костра, пошла тёплая волна. Хотелось выпить горячего взвара, что-нибудь поесть и завалиться спать. Но тут к нашему огню приблизился молодой прусс, за плечом которого висел большой белый свёрток. Я присмотрелся к гостю и решил, что его лицо мне знакомо. Поворошил память и понял, что вижу перед собой того самого бойца, который едва не приколол меня рогатиной во время дневного сражения. Однако «едва» не считается. Поэтому претензию ему не выкатил, а он, слегка поклонившись, на неплохом венедском языке произнёс:

– Доброй ночи, бояре.

– И тебе доброй ночи, молодец, – переглянувшись, одновременно ответили мы с Самородом.

– Что привело тебя к нам, молодой воин? – спросил капитан. – По делу пришёл или по лагерю слоняешься, от дела бегаешь?

– Меня зовут Люторг, я сын вождя Пиктайта, который привёл в ваше войско лучших сынов Помезанской земли. Вы просили отдать пленников, которых мы возьмём на большом вражеском корабле. Только живых данов и злых бойцов, которые были с ними, не осталось. Ни один не сдался, и мы перебили всех. Но отец велел собрать личные вещи людей с крестами на одежде и отнести вам. И ещё он сказал, чтобы вы были осторожны, от многих вещей несёт злом. Однако раз с вами ведун, который служит Яровиту, он уверен, что вы поступите верно.

Парень скинул наземь тяжёлый свёрток, который оказался большим орденским плащом с капюшоном, поклонился, отступил в темноту и направился к своим соплеменникам. Самород покосился на добычу, а затем на меня, покачал головой, встал, кивнул в сторону холма, на котором расположились верховоды нашего войска, и сказал:

– Пойду Мстиславу и Никл оту доложу, а заодно узнаю, что нам завтра делать.

– Хорошо, – согласно мотнул я головой, дождался, пока Ранко уйдёт, и приступил к разбору трофеев.

Подтащил свёрток поближе к костру и распустил узлы. Раскрытая ладонь прошла над добычей, и я в самом деле почувствовал исходящие от неё эманации. Нет, не зла, как считал вождь пруссов, а чего-то равнодушного, холодного, опасного и непонятного. Хватать все вещи подряд было глупо. Поэтому я не торопился, осмотрел добычу и начал вытаскивать предметы один за другим.

Четыре простых медных креста, в каждом ощущалась чужеродная сила. Они мне не нужны и полетели в огонь. Серебряный перстень с грубой печаткой в виде прямого меча, обычное украшение дворянина. Это в добычу. Три стальных кинжала. Вроде бы обычные клинки, но в рукоять каждого вколочен один гвоздь, от которого веяло чем-то непонятным. В сторону, пусть волхвы в Арконе разбираются. Небольшая резная шкатулка из красного дерева, внутри которой оказались какие-то сушёные травы, тёмно-коричневая смола, зёрна растений, пара высушенных бутонов, кажется, беладонны, и длинная щепка. Что за хрень, непонятно, и сначала я подумал, что всё это можно отдать жене, благо она у меня специалист по травам. Однако сердце резко дёрнулось. Неправильное решение. Берегись. Ладно, доверимся шестому чувству, а значит, всё в огонь и шкатулку туда же, всё равно она мало что стоит.

Травы и смола полыхнули так, что это было подобно вспышке магии, и я невольно прикрыл глаза. Над костром разнёсся запах каких-то восточных благовоний в смеси с кориандром, и у меня слегка закружилась голова. Но вскоре всё прошло, и я продолжил свой труд.

Четыре простых полотняных пояса, в каждый вплетена металлическая кольчужная нить, от которой опять-таки исходили эманации непонятной силы. Это для волхвов. Тяжёлый бронзовый браслет с выдавленными на нём крестами. Просто украшение, в добычу. Несколько длинных серебряных иголок и большая катушка ниток, два костяных гребня, мутное металлическое зеркальце, моток серого бинта, два флакона с мазями и один с непонятной эссенцией. В сторону, разберёмся позже, что это такое.

Ещё в плаще были книги и пергаменты. Хранилищ знаний было два, и оба являлись трактатами на христианскую тему. Я пробежался глазами по листам, выхватил несколько фраз и хотел положить книги поближе к своему рюкзаку, но что-то меня остановило. Я почесал переносицу и осознал, что спокойно, без какого-либо напряжения прочитал латинский текст. Вот так так... Неужели я становлюсь таким же всезнайкой языков и диалектов, каким является новоявленный шведский король Хунди Фремсинет, который понимает любые наречия и может общаться со зверьём? Очень может быть, потому что способности человека, как говорят венецианские волхвы, безграничны, и вся наша жизнь – это постижение и развитие чего-то нового. При этом понятно, что у кого-то способности больше, а у кого-то меньше. Однако каждый из нас, кто не наркоманит и не разменивает свою жизнь на бухло, всё время шагает вперёд, и перед ним постоянно открываются новые горизонты. Это истина, и она многое объясняет.

«Ладно, с языками вроде бы всё понятно, – подумал я. – Во что это всё выльется, посмотрим, а пока надо почитать, что в пергаментах».

Я взял один из кусков телячьей кожи. Развернул его, расправил и увидел, что он испещрён мелкими буквами, опять-таки латинскими, и я их понимаю. Но новизна ощущения прошла быстро, а то, что я усвоил из текста, заставило встревожиться, ибо у меня в руках находилось послание некоего Либо Креона своему брату по ордену Арно Шампелену. И ладно бы это было просто письмо, привет-привет, как дела, давай встретимся. Нет! Это был приказ старшего брата по ордену, касающийся группы воинов, которую возглавлял Шампелен, и в нём был упомянут я. А гласил он следующее:

«Рыцарю храма Соломона Арно Шампелену.

Здравствуй, брат во Христе. Да пребудет с тобой милость Господа. Вскоре флот датчан выдвинется навстречу безбожным язычникам-венедам, и ты вместе с подчинёнными тебе воинами должен отправиться с ними. Победа, разумеется, будет за данами, и когда они разгонят вражеский флот, ты должен выбрать среди пленных всех, кто нам интересен. Конечно же это

языческие колдуны, варяжские князья, бояре и воеводы. Ну и, само собой, ведун Вадим Сокол, который, по сообщению людей Ассера Рига, тоже собирается принять участие в этом походе. Надеюсь, Господь поможет тебе.

Твой брат во Христе, рыцарь *Тибо Креон*».

Где на борт датского драккара сел рыцарь Шампелен, не указывалось. Но поскольку выступивший против нас флот собирался в Роскилле и Орхусе, скорее всего, рыцарь и его люди находились в одном из этих городов. Что же касается Тибо Креона, то я не знал, кто он. Однако мне известно, что Ассер Риг и его друг монах-цистерцианец Шарль Понтины привезли с собой из Европы три десятка тамплиеров, которые после буллы папы римского, выпущенной в 1139 году, подчиняются только ему, а на деле выполняют задания Бернара Клервоского. Ну, это и понятно, ведь не зря Бернара называют некоронованным королём всей Европы, ибо в этом есть определённый смысл. Да и как не выполнить приказ человека (человека ли?), коему лично являлась Дева Мария и который выпил три капли молока из груди статуи Чёрной мадонны в Шатильонском соборе? Считай, что он пил то же самое молоко, что и Иисус из Назарета. И многими верующими, которые ещё не забыли языческие традиции или трансформировали их, это расценивается как знак, что он породнился с богами. Такие вот дела.

Скатав пергамент с посланием Креона, я убрал его к книгам. Затем просмотрел остальные свитки и больше ничего интересного не нашёл. Письмо от матери рыцаря Шампелена, которая сообщала, что скончался его батюшка. Послание от младшего брата, упрекавшего родственника в том, что тот передал всё имущество семьи на нужды ордена и оставил его нищим. Пара молитв, записанных для разучивания. Вот, пожалуй, и всё. Возможно, было что-то ещё. Однако пруссы что нашли, то в плащ и собрали. Кстати, о плаще. На нём крест, а его имеют право носить только крестоносцы. Тамплиеры же находятся на территории Европы, и как это расценить? Может, как знак, что мы уже официально ведём войну с Крестовым воинством? Да, наверное, ибо европейские тамплиеры, которые ни разу не были в Святой земле, стали нашивать красный крест лишь после 1147 года.

Плащ отправился в огонь, а поверх него я кинул несколько крупных сучьев. После этого спрятал в рюкзак трофейное имущество, которое мне пригодится, и обошёл расположение экипажа. Всё в порядке. Раненые перевязаны, напоены укрепляющими отварами и спят, а остальные воины, усталые, но довольные, отдыхают и ужинают. У одного из костров я присел рядом с варягами, поговорил с ними за жизнь и, взяв глубокую миску с горячей кашей, хлеб и кружку звара, вернулся к командирскому месту.

Самород ещё не возвратился. Странные псевдохристианские артефакты сгорели и превратились в пепел. Я сел на брёвнышко и стал ужинать, но вкуса еды не чувствовал, ел механически, а мои мысли вновь вернулись к тамплиерам и письму рыцаря Креона.

Итак, кто же такие тамплиеры на данный момент? Это духовно-рыцарский орден, который был создан немногим более двадцати лет назад. А началось всё с того, что из пустыни в Иерусалим выбралось девять рыцарей, которые несколько лет провели в сражениях с сарацинами. Они собирались делать это и дальше, но не одни, а с другими воинами Христовыми, которые были готовы отринуть всё мирское ради Царства Небесного. Им оказали поддержку. Король Балдуин выделил рыцарям жильё в своём дворце, каноники Гроба Господня дали лошадей и конюшни, а добрые и состоятельные самаритяне помогли финансами. Так появились первые «солдаты Господа и храма Соломона». Они отправились в Европу и получили помощь со стороны Бернара Клервоского, который разработал для них Устав и униформу, похожую на одеяния цистерцианцев, и теперь мир имеет то, что имеет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.